

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ЗМИЕВА ПОГИБЕЛЬ
КНИГА ВТОРАЯ
УТАЕННЫЙ МЕЧ

Елизавета Дворецкая

Змиева погибель.

Книга 2. Утаенный меч

«Автор»

2026

Дворецкая Е. А.

Змиева погибель. Книга 2. Утаенный меч / Е. А. Дворецкая —
«Автор», 2026

К жене князя Романа летает змий Не того ожидала Апракса, когда согласилась выйти замуж, чтобы прекратить старую родовую вражду. Чтобы привлечь любовь мужа, Апракса готова заплатить любую цену – и цена действительно оказалась высока. Кто же он – ласковый, внимательный, точь-в-точь похожий на Романа? Настолько похожий, что даже близкие родственники не могут отличить настоящего князя от поддельного. Чтобы избавиться от проклятого полуночного гостя, брат Романа, Всеволод, готов встать на его пути. Меч, на сорок лет удалённый из мира живых, снова выйдет на свет. Победа досталась не даром: недуг от попавшей на Всеволода крови чудовища снова приведет его к Елесе, чтобы связать их судьбы в неразрывный узел... И тогда Всеволод узнает, где на самом деле гнездится змий

© Дворецкая Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Огненному змею поклонюсь...	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Часть вторая. Утаенный меч	50
Глава 1	50
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елизавета Дворецкая

Змиева погибель. Книга 2. Утаенный меч

Се есть, брате, пронырство лукаваго змия...¹

¹ «Повесть Петре и Февронии». (Здесь и далее примечания автора.)

Часть первая. Огненному змею поклонюсь...

Глава 1

Едва рассвело, как небо над селом Милово покрыли дымы над каждой кровлей – пришел Покров², время затапливать печи. Дома были Агня с детьми, но и Ермолай ожидался сегодня к обеду: в этот день, затворяющий лето и начинающий холодную половину года, он возвращался с заимки, чтобы провести зиму с семьей.

Агня встала, как обычно, первой и с приговором затопила печь. Елеса, спавшая на печи, в полусне ощущала, как жесткая лежанка под ней постепенно нагревается; в избе запахло горящим деревом, и после долгого лета, постепенно стынувшей осени этот запах нес ощущение уюта. Лета с его ветром и волей больше не хотелось; хотелось тишины, тепла, уютного запаха дыма... Вот бы так и лежать всю зиму...

Затопив печь, Агня сбегала в погреб, принесла несколько яиц и замесила тесто для блинов: тоже обычай этого дня, мол, «запекать углы», чтобы не мокло и не дуло.

– Лесуня, вставай! Скоро зазвонят, позади всех останешься!

Елеса соскользнула с печки, потянувшись в тепле от устья. Оделась и стала расчесывать волосы. Агня косилась на нее от печи: в темно-русых волосах дочери с каждым движением гребня сгущалась тьма, казалось, вот-вот она потечет с них на пол, как темная вода.

– Ильяшка, и ты вставай! – позвала Елеса брата. – Весь свой праздник проспий, лавочный ездук.

В ответ с лавки послышалось довольное хмыканье. Вчера Ильян в последний раз привел домой сельское стадо, отныне тому стоять в стойлах до Егория Вешнего, до новой травы. Труды пастуха закончились, теперь он мог спать хоть всю зиму, чем был очень доволен.

Одевшись, Елеса вышла во двор. Агня как раз показалась из хлева с ведром надоенного молока.

– Ахти мнеченько, ты глянь на него! Вот нарядился!

Посреди двора сидел заяц, белый как снег. При виде женщин он совершил прыжок вверх и перекувырнулся через голову. Даже окажись здесь кто-то из плечеевцев, видевших княжескую свадьбу, не узнал бы того беса величиной с барана, что требовал себе невесту и отважно дрался с боярином Ратимиром и княжичем Всеволодом. Теперь он был не больше обычного зайца и ничем от обычных не отличался – пока молчал. Глядя на его забавные прыжки и ужимки, Агня охнула, Елеса засмеялась.

– Увидит кто белого зайца – скажут, к скорой зиме.

– Блинка бы мне... блиночка... блинчика... – зывал заяц между кувырками. – Горяченького!

– Поди да возьми. – Елеса показала на избу. – По углам для вашей братии разложили.

– В избу нельзя мне, там свой хозяин. Как наподдаст! – Заяц прыгнул и нанес удар задней лапой в воздух.

Уж конечно, домовый хозяин не захочет делиться своим угощением с каким-то пришлым мертвецом.

– Будет тебе блинок, обожди.

Агня с Елесой прошли в хлев и там раздали скотине по горсти овса из последнего необмолоченного снопа, чтобы зимой не голодала и не болела. Когда вышли, по селу разнесся первый железный удар – отец Евангел звонил к литургии.

– Быстрее! – Заяц взвился в воздух выше столбов крыльца, опустился на землю и заплясал. – Бежим, бежим!

– Держи! – Лохматый после сна Ильян с крыльца протянул Елесе тонкую желтую свечку.

Елеса выхватила ее из руки брата и бросилась к воротам. Заяц скакнул впереди нее и растворил калитку. Елеса выбежала на улицу; мимо нее пронеслась Асюха по прозвищу Тучка, дочка Дементия Тучи, тоже со свечой в руке.

² 14 октября.

– Беги, беги! – вопил заяц.

– Тише ты! – шикнула на него Агнея.

Она все боялась, люди услышат. Елеса молча пустилась догонять Асюху. От ворот деда Прокопа послышался женский вопль, и вслед за ними пустились Прокоповы внушки, Данка и Докуля.

По всей улице неслись от дворов к храму нарядные девки, собственные косы за ними едва поспевали, развевались на ветру длинные концы ярких тесемок. Каждая девка держала в руке свечу. Такие забеги случались на Покров каждый год, и народ стоял вдоль улицы, наблюдая за состязанием, подбадривая родню.

– Давай, давай! – вопил заяц, прыжками мчась возле Елеса, то опережая ее, то возвращаясь, то описывая круги, будто взбесившийся снеговой ком.

Кроме Елеса, его никто не видел, но голос, как она подозревала, люди слышали. К счастью, никому не приходило в голову, что это кричит дух потревоженного мертвеца, которого Елеса прикормила и держит при себе в облике зайца. Много дней ушло на то, чтобы подчинить Балабола, но теперь он не докучал ей ночным нытьем и не пытался заманить в могилу. По ночам пропадал, а вернувшись на заре, жаловался, мол, никак у него не выходит пробраться к той невесте, у которой его кольцо. Напивавшись горячим паром, он освоился в мире живых и мог сохранять зримый облик даже днем. Правда, лишь заячий.

– Беги, беги! – вопил он дурным голосом, как будто от этого зависела жизнь. – Быстро, быстро!

Смеющиеся селяне у ворот и на улице, сами бегущие девки порой оглядывались в удивлении, не понимая, кто здесь так вопит. Но Елеса не оглядывалась: она вырвалась вперед, и ей осталось обойти только Марулю, дочь отца Евангела. Та жила возле самой церкви и, конечно, добиралась бы раньше всех, но по уговору пускалась бежать только тогда, когда первая из соперниц поравняется с дьяконовым двором. Однако ей давало преимущество то, что она поджидала, пока остальные бежали. Вступив в состязание со свежими силами, она обошла Елесу.

Вот уже совсем рядом высокое церковное крыльцо. Колокольный звон изнутри все чаще и громче: бам-бам-бам, подгоняет девок. Елеса мчалась, будто у нее четыре ноги, а не две, и нагоняла Марулю. Слыша ее за спиной, та поднажала, протянула руку, чтобы ухватиться за столб крыльца – тогда соперница уже не имеет права оттеснить ее на лестнице, – и вдруг с визгом покатила кубарем.

Только Елеса видела, как под ноги Маруле метнулся белый ком. Перепрыгнув через соперницу, Елеса ухватила за столб крыльца, вспрыгнула на ступени и понеслась вверх. Ноги ее простучали по деревянным ступням. Маруля со стоном пыталась подняться, а мимо нее уже бежали Асюха, Докуля, Милуша и Настюра. Но теперь они спешили только ради азарта: на лестнице Елесе было уже не обогнать.

Вскочив в притвор, где отец Евангел звонил в колокола на продольно протянутых жердях, Елеса сбавила шаг и в сам храм вступила уже медленно и чинно. Подошла к иконе Богоматери под вышитым рушником, натянутым в виде шатра, зажгла свою свечу, поставила в канун³.

– Матушка Покров-Богородица, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком.

Позади нее уже теснились другие девки, приглаживали растрепавшиеся в беге волосы и платье, зажигали свечи от ее свечи, тоже ставили. Десять голосов бормотали вразнобой:

– Матушка Покров, покрой траву листом, воду ледком, землю снежком, а меня, молодую, брачным венцом...

Чья свеча первая – та первой выйдет замуж. Девки косились на Елесу в некотором удивлении: она и раньше, как все, участвовала в этом состязании, но не слишком старалась, явно не торопясь «на чужую сторону». Хотя все знали, что бежит она быстро, что твой заяц!

³ Канун – большой подсвечник перед иконой.

– Какой-то бес мне под ногу попался! – бурчала позади всех обиженная Маруля. – Я б ее обошла, ей-богу, уже на крыльце была, а вдруг меня как толкнет что-то мягкое!

– Вот тебя мягкое и толкнет! – фыркнула Елеса, отходя от кануна.

Девки вокруг стали давиться от смеха, прикрывая рты, чтобы не разбранил отец Евангел. Колокольный звон стих, церковь стала наполняться народом.

– Чтой-то ты так разбежалась ныне, подруга? – шепнула Елесе на ухо Асюха. – Или наскучило в девках сидеть? Или глаз положила на кого?

– Присмотрела себе ясна сокола, ага, – уверенно ответила Елеса. – Царевича-королевича.

Асюха тихонько хмыкнула, ей не поверив: какие царевичи в Милове? Самый красивый здешний парень – Елесе родной брат.

А Елеса нашла глазами на иконостасе святых князей Бориса и Глеба и улыбнулась им. Перед глазами ее стояло не иконописное, а живое лицо – крупные правильные черты, темные брови, кольца русых волос на высоком лбу, юношеский задор и княжеская гордость. Он, живой князь, младший из двух братьев, был далеко и даже не знал о ее существовании, но, выиграв забег со свечой, она чувствовала себя ближе к нему – как будто первый важный шаг уже сделан.

Когда вернулись из церкви домой, на крыльце уже сидел Ермолай, почесывая довольного пса. Он никогда не бранил пса и не бил, но на него Волчок не смел скакать, как на Агнею, и смиренно прижимал уши, раболепно вилял хвостом. Елеса радостно бросилась на шею вставшему отцу: давно не виделись.

Но во дворе они уже были не одни: после службы со всего Милова потянулись гости. Сегодня был пастуший праздник, а значит, разгильдяй Ильян оказался чуть ли не первым человеком на селе. Все хозяева и хозяйки, чью скотину он берег с самой весны, несли ему дары: ткань на рубахи, лукошки яиц, сало, сыр, всевозможные пироги. Дементий Туча, его крестный, принес копченый свиной бок, дед Кондрат – первую корчагу праздничного «покровского пива». Агнея растворила двери, повела всех в дом, расставила подношения на столе. Появились еще корчаги, и загудела покровская братчина – общинное приветствие скорой зиме, праздник полного окончания летних трудов.

Гуляли дотемна. Пели песни, плясали в избе, а кому было тесно – во дворе, пока не начало темнеть. Тогда уж бабы повели своих мужиков по домам, в оконцах впервые после лета засветились огоньки лучин: с этого дня уже не спят после темноты, начинаются домашние зимние работы. В избе остался порядочный разгром – утварь сдвинута с места, везде грязная посуда, горшки, миски, блюда, корытца и кринки, на полу лужи пива, под столом кости и скорлупа от печеных яиц. Агнея с Елесой принялись прибираться: подмести, посуду составить в угол и завтра утром перемыть.

В это время вошел Ермолай: он ходил провожать старейшин, Дементия, Радилу и Прокопа, и постоял на крыльце, глядя на первые звезды. В открытую дверь влетел порыв свежего ветра – по-осеннему духовитого, пахнущего палым листом и стынувшей землей. Ветер этот чуть шевелит саму душу, пробует, нельзя ли приоткрыть в ней оконце на темный свет: не даром в эту пору покойные деда навещаются к живым внукам и для них накрывают стол.

– Выйди-ка, сынок! – позвал Ермолай Ильяна: тот развалился на лавке с видом полного утомления от гулянки.

– Что там еще? – простонал Ильян. – Кому еще меня мало? Все, отработался я. До Егория Вешнего не встану, хоть поленом бей.

– Иди-иди, – сказал Ермолай спокойным, ровным тоном, но который сам, как невидимая рука, поднимал за шиворот и толкал вперед.

Ильян вышел, и Елеса вышла вместе с ним: она собрала уцелевшие приношения, по большей части яйца, сало и пироги, чтобы вынести в погреб.

И остановилась на крыльце, едва не уткнувшись в широкую спину брата. Перед крыльцом стояли, выстроившись в ряд, три незнакомых парня. Одинаковые ростом, похожие лицами,

они различались цветом рубаш: на одном белая, на другом серая, на третьем синяя, а поверх них – одинаковые серые свиты.

– Арахиль-трава, чертовой бабке в дышло! – протянул Ильян при виде их, не насмешливо, а очень серьезно.

Весь он подобрался, стряхнул лень и небрежность, расправил плечи и стал выше ростом. Елеса опустила на крыльцо корзину и спряталась за столб.

– И тебе не хворать! – ответили хором три одинаковых голоса.

Негромкие, эти голоса, однако, могли свалить с ног: от них по двору рванул порыв многих струй ветра, одна холоднее другой. Облик пришельцев заколебался, как отражение в воде, пошел рябью, и непонятно стало, велики они и малы, близко или далеко.

– Кто вы такие, молодцы?

– Мы братья родные, из двенадцати братьев старшие. Я – Северьян! – сказал тот, что стоял в середине и был в синей рубаше.

– Я – Андреян.

– Я – Димитриян.

– И чего вам надобно?

– Хотим тебе весть передать.

– Наказ нам такой дан.

– Наговорен на дым-дымок, чад-чадок, ветер-ветерок.

– И что за наказ?

– Жена молодая князя Романа нынче раньше всех в Плечееве вставала.

– Белое лицо умывала, долги косы заплетала.

– Печь топила, сильные речи говорила.

– Какие речи?

– Не летай ты, огненный змий, на синие озера, на сырые дубравы, на зеленые мхи, на пенё и коренье.

– А полети ты, огненный змий, в высокий терем, в нову горницу, на постель пуховую.

– Разожги ты, огненный змий, сердце мужа моего, Романа Глебовича, чтобы он по мне сохнул и чахнул, тосковал и горевал, чтобы брала тоска его ночью при месяце, днем при солнце, чтобы не мог он без меня, рабы Божией Апраксиньи, ни есть, ни пить, ни спать.

Братья говорили по очереди, и голос каждого растекался по двору сотней ветровых струй, свистящих и реющих. Сам воздух пришел в непрестанное колебание, как растревоженная вода. Елеса прижалась к столбу, обхватив его руками, и зажмурилась; ей казалось, она в сердце темной тучи, а вокруг нее дышит и говорит сама буря. Такой шум не дал бы услышать обычные голоса, но эти сами собой врывались в уши.

– Спасибо вам, братья-ветры! – произнес рядом с ней голос, вроде бы знакомый, но уже изменившийся. – Летите, куда вам надобно.

И все трое разом исчезли – только мелькнули над землей три вихря, белый, серый и синий; от мощного порыва воздуха качнулась изба, полетел сор с крыши.

Елеса еще постояла, слушая тишину: после рева ветров поднебесных обычный ветерок был почти неслышим. Потом решила открыть глаза, отцепить руку от столба и убрать с лица растрепанные волосы. Ильян стоял напротив нее, у другого столба. Скрестив руки на груди, он не двигался, но менялся на глазах. Волосы его стали стремительно расти и наливаясь пламенным светом, достали сперва до груди, потом до пояса, потом до колен. Пряди шевелились, как живые, извивались, мерцали. Черты лица Ильяна тоже изменились, не потеряв в красоте, заострились, в них проглянуло нечто хищное и притом обольстительное. Им можно было бы залюбоваться, но два пылающих угля на месте глаз внушали жуть даже Елесе.

Елеса закрыла лицо руками: ей уже случалось видеть эти перемены, но зрелище подавляло. Она была прирожденной ведьмой, но Ильян, хоть звался ее братом, сыном Агнеи и Еρμο-

лая, не состоял в кровном родстве ни с кем из них. Он был настоящим бесом. Жители Милова, браня его за лень и распутство, не знали, как близки бывают к истине.

– Позвала все-таки... – медленно выдохнул Ильян.

Голос его тоже изменился, стал ниже и гуще. В прохладном воздухе осеннего вечера от его дыхания веяло жаром, перед лицом замелькали искры.

– Княгиня... Романова? – прошептала Елеса.

– Да. Кончились иные средства. – Ильян усмехнулся, выпустив новое облако искр.

– Она же не виновата! – горестно шепнула Елеса. – Ее бабка княжья, бесовка старая, испортила. Подложила ей в постель косточку с кольцом с мертвой руки, вот она с первой ночи своему мужу стала покойницей казаться. А этот обалдуй ушастый все трется вокруг меня, невесту свою требует...

– Невеста! – Из-под крыльца высунулся белый заяц, с приходом темноты заметно подросший и ставший величиной с Волчка. – Это ж моя невеста! Не тронь ее, чудище! Она моя! У нее мое колечко!

– Нишкни! – со смехом выдохнул Ильян низким голосом. – Женишок, битый горшок.

И продолжил выдох: вниз с крыльца полился плотный поток пылающих искр. Балабол взвизгнул и скрылся, а Ильян засмеялся, и каждый толчок воздуха из его груди рождал новый поток пламени. Как недавно Елесе было холодно от песни ветров, теперь ей стало жарко, как возле устья пылающей печи.

– Н-не ходи! – выдавила она и протянула руку, не решаясь, однако, прикоснуться к тому, кто считался ее братом. – Погубишь... ее. Не будет ей счастья. Она не виновата ни в чем. Злоба людская ей жизнь... изломала. Ты хоть не губи.

– Хотел бы я тебя послушать, зайчик, но не могу, – таким же низким голосом ответил Ильян, и в нем правда слышалось сожаление. – Нянька с межи того света ей сильное слово передала, да самого главного не сказала. Почему сильное слово то опаснее огня. Если на дым говорить и призывать, слышит или муж... или змий. Услышал я. И теперь... не могу не прийти.

Ильян не имел свободной воли – откликаться на зов или нет: она есть только у человека, а человеком он не был. Он был только сущностью, легко меняющей оболочки, но отказаться от себя не мог, как вода не может не течь под уклон. На глазах у замершей Елесы Ильян снова стал меняться. Он медленно опустил руки, и под ними распростерлось живое пламя, образуя крылья. Все тело его налилось пламенным светом, и в этом пламени безболезненно, как тень, истаяла его человеческая оболочка. Пламень распался на множество огненных искр, облако воспарило над крыльцом, вытянулось, свернулось кольцом, стало виться по спирали, быстро поднимаясь. Взлетело над крышей избы, над двором, над селом. Живая молния в темном небе описала несколько кругов и стрелой прыгнула вдаль, на запад.

Елеса зажмурилась, потеряла глаза. Подняла веки – на крыльце тлели искры, и она затерла их подошвой.

– Избу-то не подпали, идолище! – запоздало долетел из оконца горестный крик Агinei.

Поздно – стремительно извиваясь в темном небе, огненный змий скрылся вдали.

Глава 2

В детстве Елеса не знала, кто живет с ней бок о бок. У нее имелся брат, на несколько лет старше, на сколько – она не задумывалась, да и зачем? Сколько она себя помнила, Ильян всегда был рослым, худощавым, всегда волосы падали ему на глаза, но при виде девки или молодой бабы на губах его проступала приглашающая улыбка. Всегда он был ленив, ни к какой работе не способен: наряди его косить, заснет в траве, отправь полоть – заснет в борозде, вот и вся разница. Правда, он не отказывался ходить с девками за грибами или ягодами: сам ничего не искал, но при входе в лес издавал пронзительный полусвист-полушип, так что спутницы его заранее закрывали уши, зато ни единый гад, ни большой, ни малый, им не попадался, где бы ни ходили.

Отправленный в пастухи, Ильян целыми днями дремал в теньке, однако скотий бог его хранил. Скотина у него почти не пропадала – не больше одной коровы в год, а это уж законная доля Лешего Хозяина, тут и владельцы не роптали, хоть и горевали. Коровы не болели, хорошо доились, приносили много телят. Девки к нему бегали часто, но ни одна не понесла, оттого и матери бранились, но дальше того не шло. Агня неустанно ругала Ильяна, но ни разу не пыталась его бить; Ермолай умел с ним управиться, но перед его строгим взором у кого угодно душа в пятки уйдет. В баню Ильян всегда ходил один, и валило оттуда столько пара, что крышу чуть не срывало.

Однажды Елеса – было ей лет десять или чуть больше, – принеся брату на луг обед от матери, собирала землянику, потом расшалилась, перекувырнулась и сделалась зайцем, стала скакать вокруг лежащего Ильяна, дразнить и не давать покоя. Сначала он терпел, потом вдруг выбросил руку – стремительно, как нападающая змея, – и схватил ее за уши. Поднял верещащего, бьющего лапами зайца и медленнодохнул.

Елесу обдало жаром: рой огненных искр вылетел у Ильяна изо рта. Он повернул ее, и она увидела его – голова одета пламенем, глаза как два угля. От потрясения и ужаса она окоченела; ей уже случалось видеть, как отец обращается в волка, иные дива творились у нее на глазах, но это было не чета прежним. Тем более что от Ильяна, вслед за матерью привыкнув считать его бесполезным, она ничего подобного не ожидала. Повиснув, как шкурка, Елеса и дышать перестала. Ильян опустил ее на траву, она отползла от него подальше и только тогда приняла человеческий облик. Протерла глаза – это был все тот же Ильян, все так же он лежал на траве в тени лещины. И без единого слова пустилась бежать, забыв лукошко и кринку из-под кваса.

– Хвост приberi, забыла! – крикнул Ильян ей вслед, но она не обернулась.

Прибежав домой, Елеса с круглыми глазами предстала перед матерью.

– Ильяшка! – От возбуждения она не стояла на месте и приплясывала. – Огнем дышит! Глаза как угли! Как это он делает?

Изложить яснее она не смогла бы, но Агня, взглядевшись в потрясенное лицо дочери, сама догадалась, что та видела.

– Ну что ж, надо и тебе знать. – Агня вздохнула. – Ильяшка-то у нас... бес истинный. Огненный змий. Замечала, что как гроза на наши нивы идет, его никогда дома нет? Расправляет он крылья, летает в поднебесье, тучи от села отводит.

– Но это же отец делает! – вскричала Елеса, как и все село, убежденная, что Ермолаю дана власть повелевать грозowymi тучами.

– Это мы для людей говорим, чтобы уважали. А отец то дело делает, что Ильяшку заставляет. Никому иному он не покорился бы. Есть у нас Ильяшка – в нем наша сила тучи водить.

Елеса думала долго – трудно было поверить, что силой управлять тучами владеет не отец, которого она привыкла считать могущественным, как сам Громовой Илья, а лентяй Ильяшка.

И это ему они обязаны тем, что в жатвенную пору, чуть посвежеет и окрепнет ветер, со всех дворов тянутся к Агнее с мелкими подношениями: то яички, то маслица, – чтобы Ермолай позаботился, отогнал град и молнии от миловских нив.

– Но как это – он бес? Он же человек?

– Нет. От человека в нем видимость одна. – Агнея опять вздохнула. – Души в нем нет. Мы им владеем, нас он слушается. А другого кого и погубить может.

– Но вы с отцом – люди. Как у вас мог бес народиться?

Агнея открыла было рот, опять закрыла, вздохнула. Помолчала. Могла бы сказать, что Ермолай – не очень-то человек, но не решилась обрушить на юную дочь, привязанную к отцу, столько жутких новостей сразу.

– Не родился он у нас, – сказала она наконец. – В тот год, как мы повенчались, приходит однажды Ермолай из лесу, приносит сук ивовый и говорит: гляди, Агнеша, какой у меня для тебя подарочек! Я говорю: что за подарочек? Сук он и есть сук. А он мне: сук не простой, на нем змея щенилась! Сам видел, потом отломил. Тут я и смекнула. И он говорит: хочешь, будет у нас свой огненный змий, от наших нив тучи отгонять, к другим уводить. Я побоялась было... Все-таки силища какая – огненный змий. Это ведь... что хочешь можно сделать. Да как бы дом не спалил. Припрятала тот сук и едва не забыла. А потом подходит Илья⁴, навалилась гроза. Нам жать идти – а тучу несет. Сейчас побьет все поля, голодными останемся. Все бабы на улицу печные заслонки мечут, кто кочергу, кто молоком плещет. Дементий Туча в тучу из лука бьет, да не достает. А гроза все ближе. Уж полнеба покрыла, будто черная занавесь, и видно, как дождь стеной хлещет и молнии вниз бьют. Я и вспомнила про тот сук. Вытащила его, ну, господи помилуй, – печь растопила да и бросила его. Вспыхнул... – Агнея прикрыла глаза. – Потом как загудит в печи, как заревет, как завоет! Веришь – под стол спряталась, как дитя. А тут он и вылетел. Огненный шар, вот, с тот горшок величиной. Вертится посреди избы, воеет, искры летят. Все, думаю, господи прости, сейчас спалит избу, и меня с ней вместе. А тут он и вылетел в оконце. Я искры затоптала – уже затлело в щелях-то, водой пол полила, на двор бежать. Вижу – вьется в вышине, то в шар свернется, то вытянется. Потом пыхнул, во все стороны огнем плюнуло, а он и летит – змий как есть, весь из огня, на крылья пламенных. Я ему кричу: ты еси огненный змий, не пали наши нивы, не жги жито, а пали тучу громовую, неси ее на темные леса, на синие озера, на сырые мхи. Он и полетел...

Новорожденный змий сумел оттеснить тучи от полей, прошел дождь, но хлеб не пострадал. Агнея рассказала, как вдвоем с Ермолаем они потом до полуночи искали огненного змия и наконец нашли его, уже в темноте, по свечению в кустах у края поля: он лежал там, совершенно обессиленный первой в жизни битвой, и издавал плач, похожий на щенячий скулеж. Теперь это было существо, похожее на человеческого младенца, но ниже пояса у него был хвост в золотой чешуе. В таком виде Агнея принесла его домой, искупала в молоке и убежала с ним вместе к Ермолаю на заимку. Вернулась месяца через три, сказала, что там родила. Бабы пошуршали: не примечали, чтобы Агнея тяжелая ходила, да может, в страду не до того было, а она глаза отвела. К тому времени мальчик уже не отличался от обычного младенца, и только ночью, во сне, начинал светиться и выпускать хвост. Рос он быстро, в десять лет смотрелся на все пятнадцать, – оттого Елесе и казалось с детства, что брат всегда был почти взрослым. По мере роста Ермолай учил его владеть своей природой – «как его самого учили», обмолвилась Агнея. В хозяйстве пользы от него не было, но Ермолай выпускал его в небо, когда полям грозил урон от непогоды, а заслуги эти приписывал себе. Оттого Ермолая уважали сильнее, а на Ильяна никто не обращал внимания. Одно плохо: уж очень он вырос красивым собой, девки покоя не давали.

Не сразу Елеса примирилась с этим открытием. У всех толковых волхвов имеются в подчинении бесы-помощники, но чтобы у одного из них такой бес, да еще столь крупный и могу-

⁴ То есть Ильин день, время жатвы.

щественный, жил в облике сына – и не слыхано. После этого Елеса стала еще больше уважать отца. Ильяна она в первое время после открытия побаивалась и сторонилась, потом привыкла.

Имелась у природы Ильяна еще одна сторона, над которой он также был не властен. Иногда ветер доносил до него зов чьего-то тоскующего сердца.

«Туча, когда не может снести дождя, зовет его, – объяснил как-то Елесе отец. – И душа бабья, когда не может снести своей любви горькой, зовет его. Он и дождь прольет, и душу успокоит».

«Но ведь говорят, та баба или девка, к которой змий летает, на свете не заживется, – с испугом сказала Елеса. – Он душу из нее выпьет».

«Бывает и так. Если у кого души иной не осталось, кроме любви, то и осушит до дна».

«Откуда же такая любовь? – Елеса всплеснула руками. – Кто же ее посылает?»

Ермолай слегка развел руками поднял глаза к небу, где как раз собирались серые тучи, небесные волки с огнем в пасти.

Кого он там высматривает, подумала Елеса. Огненного змия? Или бога? Но тогда она уже знала достаточно много, чтобы понимать: есть вещи, человеческому разуму неподвластные, и надо просто с этим жить.

Среди ночи Апракса проснулась от какого-то очень приятного ощущения. Оно властно вытянуло ее из вязкого сна про земляную могилу под травяной кровлей, но не сразу она поняла, что же это такое. Вроде бы она уже не спит, но приятные ощущения продолжают. Постепенно, все яснее себя осознавая, она поняла – кто-то лежит в постели у нее за спиной и обнимает ее сзади.

Вздрыгнула от испуга. Тут вздрогнешь, когда среди ночи рядом обнаружится невесть кто! Апракса дернулась, хотела повернуться, быстро решая, – закричать или нет? В передней горнице спят Вариса и Евланья с ее челядинкой Дукашкой, если она закричит, они услышат, а их крики услышат отроки внизу. Но если это все же сон – напрасно шум поднимет на весь терем.

– Тише, родная моя! – шепнул ей в ухо мягкий голос, и она ощутила на коже тепло чужого дыхания, и кто-то погладил ее по плечу. – Не бойся. Это я.

Апраксу еще раз пробила дрожь, но теперь от потрясения. Она узнала голос, но не поверила ушам. Это, должно быть, сон...

– Р-роман... Глебович? – шепнула она в темноту, не пытаясь повернуться, чтобы не разрушить сон, но объятия того, кто мыслился таким далеким, были крепкими и явственными.

– Я, моя желанная.

Это голос Романа! Да и кто еще мог бы сюда попасть? Неужели... помогло? Мельком вспомнилось, как она встала утром первой во всем Плечееве – еще в темноте, как затопила печь, как шептала в устье: «Дым-дымок, чад-чадок...» и прочее, как научила ее Мамышиха. Просила разжечь для нее сердце мужа, Романа Глебовича, чтобы не мог без нее ни есть, ни спать... ни днем при солнце, ни ночью при месяце... Днем она в муже никаких перемен не заметила, но вот настала ночь... и он здесь!

Апракса медленно перевернулась на другой бок, чтобы оказаться лицом к ночному гостю. Лампадка у Спаса угасла, ставни были закрыты, в крошечной тьме она не видела ровно ничего, но ощущала рядом, вплотную к себе, чье-то присутствие. Осторожно протянула руку и коснулась лица. Рука задрожала. Высокий лоб, ровный нос, борода... Изгибы бровей, трепет ресниц. Потом невидимая рука бережно взяла ее руку и прижала пальцы к горячим губам. Одно это касание так потрясло Апраксу, ни к чему такому непривычную, – будто молния скользнула по каждой жилке, большой и малой, – что она отдернула руку.

– Как ты сюда... здесь... – едва владея голосом, шепнула она.

– Ну а где же мне быть, родная моя, как не здесь, подле тебя, жены моей любимой, венчанной! – В голосе слышалась ласковая улыбка, и Апракса почти видела ее мысленным взором.

– Что-то ты сюда не спешил! Три ночи пробыл, на лавку перебрался. А потом и вовсе... Со снятия венцов ни разу не заглянул сюда! Где же твоя любовь?

– Вот здесь. – Он снова взял ее руку и прижал к груди.

Через тонкую льняную сорочку Апракса ощущала тепло тела – жар его показался ей оглушительным и манящим, – и стук сердца. Стук этот так ее заворожил, что она замерла, не пытаясь освободить руку.

– Люблю я тебя, желанная моя, с того дня, как увидел во Вронске, в соборе. Помнишь? Ты стояла впереди и меня не видела, а потом обернулась... Я в глаза тебе взглянул и понял: вот оно, счастье мое вечное.

– Но почему ты... так долго не приходил?

Апракса все это помнила, и воспоминание оживило ее долгое напрасно ожидание, разбитые надежды на счастье, боль незаслуженной обиды, тоску заброшенности.

– Ох, родная моя. – Ночной гость выпустил ее руку и сам ласково провел по ее волосам и виску. – Сама видишь, что у нас в доме творится. Феофания свет Ростиславна не может примириться, что я девушку из рязанского рода взял. Остуду наводит. Не велит мне тебя любить, проклятьем грозит. Что мне делать – она мне и брату мать заменила, не могу с ней жить, как с врагом. Она стара, надобно уважить и причуды. До того вот дошло, что к жене венчанной в ночи пробираюсь, аки тать или полюбownik какой.

Он негромко засмеялся, и от его смеха, от мысли, зачем к женщине ходит полюбownik, у Апраксы жар бросился в лицо. И это был какой-то другой Роман, какого она еще не знала, – слишком горячий, слишком телесный, уже вовсе не похожий на лик святого Бориса. Они почти не касались друг друга, но лежали совсем рядом, Апраксу пронизывало тепло его тела, и это было совсем не так, как она, бывало, ночевала с кем-то из сестер. От этого в каждой жилке ощущалась какая-то новая жизнь и жажда.

– Я знаю... – пробормотала Апракса, стараясь уйти от этих мыслей, пусть и не греховных – это ее законный муж, – но непривычных и смущающих. – Она же меня в Георгиевский монастырь возила. Могилу мне показывала... брата своего. И то пятно на полу. Ты же видел его? Я от того ужаса долго еще опомниться не могла.

– Да ну? Расскажи.

Апракса принялась рассказывать о том дне, как мечтала рассказать еще тогда. Не то чтобы надеялась открыть Роману что-то новое, но так приятно было знать: ему не все равно, что у нее на сердце, он разделяет с ней ее ужас и сожаление. Пока она говорила, он снова взял ее руку и приложил к своей груди, потом стал мягко целовать ее, слегка щекоча усами. Мысли разлетелись, и Апракса замолкла на полуслове.

Повисла тишина; Апракса слышала стук своего сердца и ощущала тепло Романовой руки. Потом он мягко взял ее за плечи и уложил на спину. Склонился над ней и прижался щекой к щеке. Она не видела этого, но ощущала, как его борода касается ее лица. От непривычности и силы этих ощущений у нее кипела кровь; было и мучительно, и тревожно, и отрадno. Она знала: ее долг – покоряться ему, и всем существом она жаждала этот долг выполнить.

– Желанная моя... – шепнул ласковый голос, а потом мягкие теплые губы прижались к ее губам.

Апракса замерла и невольно закрыла глаза – хотя для взора ничего не изменилось. Она не знала, что делать, это было совсем не похоже на поцелуи родных или на Пасху, когда ее целовали разные люди, обмениваясь красными яйцами. Его губы сперва мягко гладили, потом прижались крепче, раскрывая ее рот. Апракса вздрогнула, пронзенная мощным, незнакомым порывом, – и тут прокричал петух.

От крика Роман тоже вздрогнул и приподнялся. Шумно выдохнул с досадой. Апраксе показалось, что в темноте мелькнули искры, но среди прочего это не слишком привлекло ее внимание.

– Пора мне, родная! – с сожалением сказал Роман. – Как бы не увидели меня здесь. Узнает матушка Феофания – и на тебя, и на меня осерчает, жизни нам не даст. Ты смотри – никому ни слова, что я у тебя был. Увидимся в палатах – виду не подавай, держись как обычно.

Он встал с постели, и Апракса потянулась за ним.

– Ты еще придешь?

– Приду, родная. Как смогу проскользнуть – так и буду снова у тебя. Смотри – никому!

Он неслышно шагнул к двери. Апракса прислушивалась, ожидая скрипа двери и звука шагов. Ее лица коснулся порыв теплого воздуха, хотя от раскрытой двери следовало ожидать потока прохлады. И больше ничего.

– Роман! Ты здесь? – прошептала она, как когда-то в первые ночи замужества.

Та же тишина в ответ. Но теперь все изменилось. Чувствуя, что уже одна здесь, Апракса снова легла лицом в подушку, где лежал Роман, прижалась к ней грудью. В душе волновались чувства, в теле бурлила кровь. То, что именно сейчас ему пришлось уйти, принесло ей и облегчение, и разочарование. Еще немного времени – и она стала бы ему настоящей женой.

Но сильнее всего были ликование, облегчение, и они крепили, смывая все остальное. Роман ее любит! Это все бабка, гримза старая, ее счастье хочет загубить! Она уже не одна, она не заброшенная нелюбимая жена! Роман хочет быть с ней – и будет. Все станется, как она мечтала. Они сделаются настоящей четой, проживут в радости и согласии. Душой и мыслями Роман с ней каждый день и каждый час, и от этой мысли Апракса чувствовала себя в десять раз сильнее и увереннее прежнего. Жизнь ее обрела прочную опору – как и должна была обрести в этом браке. Долгожданное ощущение любви поднимало душу, как будто у той вдруг развернулись мощные орлиные крылья. Все ее горести остались далеко внизу – и сама прежняя Апракса, одинокая и несчастная, скорчилась где-то на дне оврага, а нынешняя парила над ней ликующей орлицей.

Он снова придет. Следующей же ночью. Апракса поцеловала подушку и с ощущением нового блаженства во всем теле прижалась к ней щекой.

Глава 3

Впервые заподозрив истину, Феофания отмахнулась: да нет, не может быть. Но стала приглядываться, и подозрения окрепли. День за днем она пристально наблюдала за Апраксой и убеждалась: нет, это не случайное недомогание, не то чтобы невестка поела чего-нибудь не того. Молодая Романова княгиня с трудом поднималась по утрам, заставляла старуху ждать, но на попреки отвечала равнодушным молчанием, а то и насмешливым взглядом блестящих глаз. Феофания чутьем понимала: невестка перестала ее бояться и даже почитать, вот-вот при челяди дерзить начнет. Пора, конечно, шла тяжелая: осень все глубже затягивала мир во тьму, все позднее приходил серый рассвет, холодный ветер нес последние желтые листья, ночами в оконца упрямо стучался дождь, и по утрам даже на мостках княжьего двора чавкала под ногами слякоть. Но разве это повод в постели разлеживаться, когда за хозяйством глядеть некому? Однако и не похоже было, что вставать вовремя молодой княгине мешает сладкий сон. По утрам она бывала бледна, вяла, похудела, и несколько раз Феофания замечала, что ее тошнит. Тогда ей и пришло впервые в голову: да что она, будто затяжелела? Сперва Феофания отмахнулась от этой мысли как от совсем нелепой, но другого объяснения не нашла.

Промучившись несколько дней, Феофания позвала к себе Евланью.

– Что это, матушка, – старая княгиня строго воззрилась на боярыню, – госпожа у тебя вроде как нездорова? Бледна, пишу в себе не держит, худеет. Что это с ней?

Евланья ответила не сразу; глубоко вздохнула, метнула взгляд на икону в углу. Потом дерзко глянула на Феофанию:

– Может, и нездорова. Оно бывает... с молодухами.

– Что – бывает? – настаивала Феофания. – Какая-то хворь с ней приключилась? С чего?

– Как – с чего? – выразительно удивилась Евланья, и Феофания отметила, что боярыня вронская как-то чересчур смело с ней держится. – Чему ты, госпожа, дивишься? Апраксинья Святославна – мужняя жена. Послал бог радости. Будто не знаешь, как оно бывает!

– Она что... – Феофания не верила, что поняла намеки, хотя они были яснее ясного дня. – Она что... дитя понесла?

– Ну и что же? Так ей и положено. Так господь велел: плодитесь, мол, и размножайтесь. И в Псалтири сказано: достояние Господне сынове, мзда плода чревного. Яко стрелы в руке сильного, тако и сыновья... блажен человек, который наполнил ими дом свой... или колчан. – Не сильная в Писании, Евланья сбилась, но это ее не смутило. – Радость большая для князя Романа!

Феофания только сглотнула и, с остановившимся от потрясения взором, как никогда напоминала огромную жабу в шитом очелье с длинными рясками. Евланья взглянула на нее свысока, с торжеством. Готовясь сделаться матерью Романова наследника, Апракса обрела силу, и теперь даже старуха Феофания не могла с ней тягаться.

– Р-Роман... знает? – прошептала Феофания.

– Я не ведаю, – со сдержанной гордостью ответила Евланья. – Это они с госпожой сами промеж себя... как мужу с женой положено.

– Ступай! – Феофания махнула на нее рукой.

Когда Евланья ушла, она кивнула Лиске:

– Князя ко мне позови.

Роман был дома и явился скоро. Поклонился бабке, она молча указала ему на скамью. Он сел, зажал руки между колен, на лице его промелькнула тоска. Феофания вгляделась в его

четкие черты, красотой которых так любовалась прежде: внук тоже был бледноват и смотрел потерянно. Неужели и впрямь они двое... друг другу спать по ночам не дают?

– Так... – Феофания сглотнула, не решаясь сразу начать разговор, но пересилила себя. – Ты что же, сынок... поладил с женой-то?

У старухи сел голос. Роман в удивлении взглянул на нее:

– Да мы не ссорились. Ровно живем... все ладно.

– Ладно? – просипела Феофания; ей хотелось кричать, но голос не возвращался. – Ты... ночью... бываешь у нее? Бывает между вами... что надобно?

Роман широко раскрыл глаза.

– Н-ночью... – Он выглядел испуганным, будто его винули в чем-то ужасном. – Я... Что тебе до того, госпожа моя?

– Бываешь у нее или нет? – каким-то диким, сиплым и визгливым голосом выкрикнула Феофания. – Отвечай!

На миг она вновь увидела в Романи шаловливого мальчика лет семи, которому иной раз так тянуло наподдать. Вот бы и сейчас, хоть он на голову выше ее.

Роман от удивления даже встал: лет пятнадцать он не слышал, чтобы старая княгиня кричала на него или брата. Разве что на челядь.

– Это... – Он тоже сглотнул, собираясь с духом. – Мое дело, госпожа. Я уж не отрок... отчет давать.

Едва ли за всю жизнь он хоть раз отказался давать бабке отчет в чем-либо, что она желала знать. Но сейчас он понял ее совершенно превратно: ему казалось, бабка наконец прознала, что он ни разу не был у жены в постели, и собирается бранить его за это. За прошедшие дни – а их набегало уже месяца на полтора-два – он свыкся со своим странным браком, привык даже к мысли, что под действием чар его жена, днем живая, ночью обращается в мертвую. Какой-то мутный, вязкий застой воли мешал ему даже задаться вопросом, не собирается ли он прожить в таком полусупружестве всю жизнь. Но этот же застой делал разговор об этом с кем-либо, и с бабкой тоже, вовсе нежеланным.

– Не к лицу тебе, госпожа, в такие дела входить, – твердо ответил Роман. – Ты стара, твое дело молиться.

И пошел прочь.

«Да дурень ты, она тяжела!» – хотела крикнуть Феофания, но осеклась, не спросив: от кого?

Что, если Роман и правда бывает у жены по ночам? Что, если Апракса тяжела от мужа и он уже об этом знает? Это крушение всех ее замыслов, всех надежд, всех трудов! Какой грех на душу взяла – и все зря?

Когда внук ушел, а Лиска поднесла воды, Феофания выпила, перекрестилась, пробормотала молитву и постепенно успокоилась. В мыслях немного прояснилось. Если бы Роман бывал у жены и она понесла от него – чего таиться? Длительных постов после свадьбы не было, и даже если и в постный день дело случилось, то не высчитать. Почему он не мог просто сказать ей «да»? Чего бояться, речь о жене, не о девке горничной. И не так князь юн, чтобы стыдиться законного дела. Скорее гордиться должен, радоваться, что бог послал наследника стола плечеевского.

Феофания с самой свадьбы старалась не думать, что своими руками навела остуду между молодыми. Она и сейчас не думала о том махоньком узелке, что Лиска принесла ей от Агнеи, миловской ворожейки, а она самолично в ночь перед венчанием зашила в подушку будущей невестки. Если бы нашли – поднялся бы шум. На княгиню, конечно, никто подумать не посмеет, но до нее дошла бы весть о такой находке. Надо думать, поклад на месте и дело свое делает. После свадьбы Феофания раз-другой тайком допрашивала Богдальца и от него знала:

Роман ночует в своих покоях один. Она думала, что оно так и продолжается. И вот извольте – Апракса тяжела!

В этот день Феофания увидела Апраксу вечером, за ужином в столовой палате. Та взглянула на нее смело, с торжеством. Знает, конечно, от Евланы, что Феофания разгадала ее тайну, оттого и смотрит свысока. И не стыдится ничуть! Феофания даже растерялась внутренне, хотя сохраняла обычный повелительный вид. С удвоенной зоркостью следила, как Апракса разговаривает с Романом. На вид между ними все ровно, чинно, любезно. Ни гнева, ни досады не было в его глазах, устремленных на жену, но любви и радости Феофания тоже не заметила. Так он не знает? С чего тогда Апракса от него таится? Может, все-таки он-то и ни при чем?

Феофания и так от старости плохо спала, а в эту ночь даже не пыталась задремать, все думала, привалившись спиной к подушке и глядя на огонек лампадки перед Николой Угодником. Апракса беременна – это несомненно, раз Евланы уверена. Но если не от Романа... то от кого? При всей своей неприязни к рязанскому роду Феофания не могла отрицать, что княгиня Варвара дочь воспитала как подобает. И все же та согрешила! Не сумела мужу полюбиться, так нашлось, кому ее утешить. Если только довести до Романа, что жена понесла от прохожего молодца... Этого он не стерпит, Апраксы в Плечееве более не будет. Пусть отправляется с позором назад во Вронск и там своего приبلудыша рождает!

Но от кого же? Ночью в тереме чужих не бывает, а днем Апракса весь день на глазах. Это кто-то свой. Но, хоть на княжьем дворе мужского пола обитало достаточно, Феофания тыкалась мыслью, как слепая, и никого не могла выбрать. Уж она-то всех тут знает, как облупленных, но кто бы осмелился забраться в спальню к молодой княгине? Да кого бы она допустила к себе? Гордость-то она помнит, и богомольная, ни одной обедни не пропускает. Ни с кем Апракса дружбы не водит, разве что с Игнашкой-ключником всякий день толкует о припасах. Да уж не Игнашка это. Отрок, должно быть, пригожий, сын боярский... Кто же у нас тут на рожу-то хорош? Неужто Богдалец! Пусть Богдалец оказался бы... даже пусть Всеволод! Пусть бы даже другой внук согрешил со снохой, главное, есть законный повод избавиться от вронской девки... Только доказать... уличить... выследить...

И обдумывая, как бы незаметно проследить, кто бывает у Апраксы в покоях, Феофания наконец усмирила душевную бурю и стала засыпать.

– Твоя бабка прознала, – той же ночью сказала Апракса. – Евланью допрашивала, а на меня только глазами зыркала, прямо спросить не решилась.

– Обрадовалась, что правнучок будет? – усмехнулся Роман.

– На радостную не похожа была. Могла бы – живьем меня заглотнула, змеиха старая... Что ты?

Апракса держала руку на груди Романа и при этих словах ощутила, как он вздрогнул.

– Тревожусь за тебя! – Он повернулся со спины на бок, чтобы оказаться к ней лицом, и прижался лбом к ее лбу. – Родная моя, горlinkа моя белая, в тебе вся жизнь моя и вся радость. Горько мне, что моя же бабка тебе добра не желает.

– Она ничего мне не сделает! – Апракса положила руку ему на шею и тихо засмеялась. – Лишь бы ты меня любил, а бабки я не боюсь. Пусть теперь она меня боится.

Апракса поцеловала его, и он повалил ее спиной на подушку. Какое-то время они дурачились, потом Роман снова лег на спину, заставив Апраксу положить голову ему на грудь. Она лежала, слушая, как стучит его сердце, впитывая тепло его тела, наслаждаясь каждым вдохом. Его телесное тепло было необычайно сильным, такого она не замечала ни у кого другого, и это необычайно нравилось ей. Что ей до злобной бабки? Феофания волновала Апраксу не больше, чем старая ветошка, заброшенная в угол. Миновал ее век, оттого и злобится, да зубы выпали.

Сила теперь была на стороне Апраксы, вся, сколько есть. Любовь мужа делала ее неуязвимой, а будущий ребенок, будущий князь Глеб Романович, уже скоро обеспечит ей почтение всей земли Плечеевской. Конечно, она знала, как его будут звать, – по деду, чье место на столе он займет со временем.

С той ночи после Покрова Роман приходил к ней постоянно. На следующую ночь она ждала, с трепетом и радостью, опять, как после свадьбы, ловила слухом малейший скрип в тереме, но все же заснула, а проснулась уже в его объятиях. Больше не удивляясь, повернулась и сама потянулась к нему с поцелуем, обхватила за шею и крепко прижалась. Завладев наконец сокровищем его любви, она бросилась в это счастье, как в омут, без оглядки. Роман оставался у нее до третьих петухов, но все же ушел тайком, не желая, чтобы люди видели. Даже Апракса не поняла, как он исчез: к этому часу и лампада догорела, а осенняя предутренняя тьма еще была густой. Ни звука шагов, ни скрипа дверей, только волна тепла по горнице...

Однако для Варисы, а затем и Евланы тайна перестала быть тайной в то же утро. Апракса сама переменяла сорочку на чистую, но на снятой Вариса заметила размазанные розовые пятна. Застилая постель, обнаружила и другие следы и пришла в изумление: значит, не «краски» у господи!

– Роман Глебович приходил ко мне, – ответила Апракса на ее изумленный взгляд, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без торжества и ликования. – Все теперь между нами идет, как должно. Но ты смотри, не болтай по терему. Никому нужды нет, что у нас тут, поняла?

– Да как же он... – пробормотала изумленная Евланыя, когда великая новость до нее дошла. – Мы же в передней горнице спим, как он мог мимо нас проскользнуть... Ты слышала его?

Вариса только головой покачала, в глазах ее было то же недоумение. Дукашку они не спрашивали: та всегда спала мертвым сном и еще сама храпела.

– Роман Глебович не хочет, чтобы его бабка ведала, – объяснила им Апракса. – Она мне зла желает, ему проклятьем грозит. Незачем ей знать, что у нас все сладилось. А если кто в тереме пронюхает, ей тут же и доложат. Молчите, а то она придумает, как нас развести.

Они обещали молчать, и постепенно изумление сменилось радостью. Апракса расцвела, уверенная в любви мужа и в будущем благополучии своего супружества. Роман говорил, что им только дождаться, пока бабка уберется в свой монастырь, и тогда уж, когда Апракса останется единственной госпожой и хозяйкой, таиться больше будет незачем. А пока они даже забавлялись тем, что он пробирается к ней в глухой тьме, тайком, будто тать или любовник, старались не шуметь, унимали смех, говорили полупшепотом. Евланыя и обе челядинки так ни разу и не сумели увидеть, как Роман приходит или уходит, и заподозрили, что в опочивальню есть такой-то тайный ход, им неизвестный. Ну а что еще подумать? Не через стены же проходит!

Сам Роман соблюдал тайну безупречно. Ночью он внушал Апраксу не подавать вида, что они встречаются без посторонних глаз, и в столовой палате или в церкви смотрел на жену учиво, но невнимательно, безразлично. Голос его был ровен, без той нежности, с какой он говорил с ней по ночам. Апракса старалась держаться так же, но порой бросала на него горячий, восхищенный взгляд, полный любви; тогда он быстро отводил глаза, будто обжегся. Днем это был как будто другой человек! Ночью, при свете лампадки, он казался ей намного живее и красивее, чем днем. Надо думать, тоже не высыпался и оттого был таким вялым.

Для Апраксы теперь настоящая жизнь приходила ночью. Днем она кое-как управлялась с хозяйством, а попреки Феофании не огорчали ее, а скорее даже веселили. Ворчи, старуха, что тебе еще остается? Зато ночь была временем счастья: они с Романом любили друг друга, подолгу разговаривали, и теперь она свободно рассказывала ему обо всех своих чувствах, мыслях, надеждах. Рассказывала о жизни во Вронске, о том, как Мария испугалась этого брака – за что Апракса теперь была ей вдесятеро сильнее благодарна, – как родители сомневались, отдавать ли дочь в Плечеев. Однажды чуть было не рассказала про исчезновение Мамышихи, но

все же не решилась. Роман, конечно, не верил, что в его жене таится зло и что это она вызвала все те пугающие случаи на свадьбе, но зачем открывать ему, что какие-то чары и впрямь близ нее ходили?

– Тогда на свадьбе сама бабка моя и и учудила! – смеясь, рассказал ей Роман, когда на третью или четвертую ночь Апракса настолько освоилась, что осмелилась заговорить об этом. Набраться смелости ей пришлось: она помнила, как в самую первую ночь после венца Роман отшатнулся от нее, когда речь зашла о том колдовстве. – Вивея ей нашла колдовку какую-то, где-то тут в селах под Плечеевом, и та колдовка ей поклады прислала: горох наговоренный, уголь и кость мертвяцкую. Она это все в палатах и в телеге спрятала, вот оттого и мыши по столу побежали, и заяц с барана величиной возник, и поросенок жареный Иерофея яблоками заплевал!

Апракса хохотала в подушку, чтобы в тереме не услышали, и теперь ей вовсе не было страшно. Пока Роман рядом, ей нечего бояться.

– Да нельзя же бабку перед людьми колдовкой вставить, всему нашему роду будет позор. Сорок лет ее здесь верховной владычицей почитали, а теперь ей дорожка в келлию, к чему напоследок позорить старуху? Вот и молчу. Пусть уж там перед богом в своих грехах кается. Но коли будет вредить тебе, угрожать – я знаю, где эти поклады сыскать.

В голосе Романа вдруг прорезалась злоба, Апраксе даже послышался в нем какой-то странный присвист. Пожалуй, не так уж он на самом деле любит бабку, как на людях показывает. Уважать и почитать старших родичей, конечно, бог повелел, но уж скорее бы Феофания перебиралась в монастырь! Апракса не могла дожидаться, когда старая жаба уползет и даст им волю, когда они смогут любить друг друга и подавать пример истинной супружеской привязанности, ни от кого не таясь. А то как полюбовники, право слово! Будто не собственный венчанный муж ее навещает, а прохожий молодец!

Особенно нестерпимым этот гнет сделался тогда, когда Апракса заподозрила, что понесла. Она уже какое-то время худела, чувствовала слабость по утрам, а потом ее начало и тошнить. Евланья сразу сказала: оно самое! Роман, ясное дело, обрадовался, но опять предупредил: никому, а не то сглазят. Это Апракса понимала: все умные бабы таят такое дело, обрегая будущее дитя от порчи. Понятно было, что Феофания на стену полезет от злости, если проведает. Того гляди, опять колдовать примется. Поэтому, когда стало ясно, что Феофанию оповестили, Апракса на ее подозрительные взгляды отвечала прямыми и гордыми, словно предупреждая: не тягайся со мной, я все про твои дела знаю!

Только бы до лета старуха убралась с княжьего двора! Апракса так опасалась, что Феофания останется здесь до ее родов, как будто та могла, ровно Баба-Яга из сказок Мамышихи, подменить ребенка щенком, чтобы опорочить ее перед мужем. А новорожденного – съесть.

Глава 4

– Ведомо ль тебе, что князь к жене по ночам ходит?

Феофания вонзила суровый взгляд в Богдальца. Тот стоял перед ней, по своему обыкновению, скромно и невозмутимо, как человек, не ведающий за собой ни малейший вины и потому неустрашимый. Феофания было принялась молча сверлить его строгим взглядом, помня о своих полуподозрениях: все же среди отроков Богдалец был самым приятным на лицо, вежливым, красноречивым, да и с Апраксой, говорят, еще во Вронске дружбу свел. Если все-таки он молодухе в полюбовники навязался... Под этим ее взглядом иные домашние лиходеи сами падали в ноги и винулись во всех грехах. Но Богдалец был сама честная невозмутимость, и Феофания себе сказала: нет, это она уже через крайхватила. Преданность Богдальца господину была как кремьень: Романовы гриди, бывшие с ним в той злополучной битве под Ждибором, рассказывали, что он-то и вытащил раненого князя из-под коня, а потом прикрыл собой, когда вронские вои хотели сгоряча его зарубить. Не может быть, чтобы столь верный слуга опозорил господина, покусившись на его жену!

– К же... – Вот теперь Богдалец взглянул на нее с явным удивлением. – По но...

– Ходит? Ходит или нет? Отвечай!

Роман мог встать и уйти, но уж от слуги его она ответа добьется!

– Не ведаю, госпожа. – Богдалец опустил глаза.

– На меня смотри! – ледяным голосом приказала Феофания. – Чего там на полу высматриваешь – совесть свою где обронил? Не крути мне, а то пожалеешь. Я по-доброму с тобой обхожусь, хоть и не знаю, откуда ты такой выискался, какого роду-племени. Но и ты со мной не крути! Иначе я с тобой живо разделаюсь. Ходит Роман к жене?

– Не ведаю, госпожа. – Глядя, как приказано, в ее сердитые глаза, Богдалец повторил тот же ответ.

– Как ты можешь не ведать? Ты у него в горнице спишь?

– У него, да.

– Ну и как ты можешь не знать? Если он встанет и уйдет, ты же услышишь? Услышишь, как он будет мимо тебя идти, дверь отворять? Потом опять? Что ты был бы за слуга, если бы не слышал, как господин у тебя над головой ходит?

– Я господину служу со всем усердием, – скромно, но твердо ответил Богдалец.

– Слышал ты хоть раз, чтобы он ночью выходил?

– Нет, не слышал.

– А спишь крепко?

– Ну... Когда как... как бог даст.

– Если он встает – ты слышишь?

– Слышу.

– И не слышал, чтобы он ушел тайком в полночь, а под утро воротился?

– Не слышал.

Феофания перевела дух. Вот ведь упрямый – каждое слово как клещами надо тянуть.

– Вот тебе мой наказ. Ночью спи вполглаза. А лучше вовсе не спи. Прикинься только. И следи – пойдет куда господин или нет. До третьих петухов не спи. Потом мне доложишь. Ступай.

Назавтра Богдалец вышел, как обычно, на завтрак в палату позади господина, чтобы служить ему за столом. Феофания вонзила испытывающий взор в того и другого: Роман был по обыкновению спокоен, Богдалец выглядел уставшим. Апракса вовсе не появилась: видно,

опять мутит ее, вертихвостку распутную, женку блудливую. Когда Роман закончил есть и встал, Феофания мигнула Богдалыцу, и вскоре он сам поднялся к ней.

– Ну? Смотрел за господином? Ходил он куда?

– Смотрел, госпожа. Никуда не ходил.

– А не проспал? – Феофания прищурилась, будто целилась.

– Нет, госпожа. Как ты повелела, не спал до третьих петухов.

– И эту ночь не спи! – повелела безжалостная владычица. – Сейчас поди выспись, а ночью чтобы бдил!

Богдалец только бросил на нее взгляд, но не посмел спросить, зачем ей следить за внуком по ночам. Что-то в его честных глазах навело Феофанию на мысль: он знает, зачем эти расспросы! Не она одна примечает... Может, вся челядь уже шепчется, что-де княгиня молодая понесла... невесть от кого. Вот позору-то на дом!

Еще три-четыре утра Феофания учиняла Богдалыцу строгий допрос, но он божился, что не спал и что Роман никуда не ходит. Наконец Феофания поверила и с тем уверилась: чары не рассеялись, Роману и видеть жену противно. Но от кого же она тогда понесла?

– Вот что, – сказала Феофания на пятое утро. – Нынче тоже будешь сторожить, но не у господина. Пойдешь к покоям княгини молодой. В горницы не суйся, ее бабам на глаза не лезь, а стереги в сенях. Забейся там в угол тайком, сразу как стемнеет. Я князю Роману скажу, что в село тебя послала, чтобы не искал. И стереги, не пойдет ли кто к ней в покои. Если кто пойдет – кричи, шум поднимай, хватай его, как клещ повисни, людей зови.

– Или ты, госпожа... покражи или еще какого умышления злого опасешься? – решил спросить Богдалец. – Управлюсь ли я один... Во дворе бы сторожей поставить.

– Управишься. Мне бы только вызнать, кто он. Да смотри, чтоб не ушел!

Богдалец поклонился. Феофания посмотрела ему вслед. Если тот загадочный полюбownik осторожен и у него при себе окажется нож... Жаль отрока, он слуга толковый. Но кому еще она может доверить такое дело? Не Вивее же с Лиской, не Игнату-ключнику! Тот предан, да бестолков. Игнат с прочей челядью пригодятся, когда злодей будет выслежен и придет пора его застигнуть с поличным, а заодно и эту вертихвостку.

В эту ночь Феофания сама почти не спала, ворочалась, прислушивалась к малейшему скрипу в тереме, ожидая услышать шум борьбы и крики. Все-таки задремала, и никакой шум ее не разбудил. Утром, когда Лиска ее одевала, пришла другая челядинка, Аниска, и доложила: княжий отрок, Богдалец, дожидается.

Едва приведя себя в приличный вид, Феофания велела его позвать. Богдалец выглядел как человек, прошедший бессонную ночь на холоде, но в сердце Феофании не шевельнулась жалость.

– Что?

– Тихо все было, госпожа. Никто не приходил.

– Да ты заснул поди!

– Нет, госпожа.

– Заснул!

– Не спал я, истинный крест. С темноты почти до рассвета глаз не сомкнул. Холодно там спать-то. Ни в покои, ни обратно никто не проходил.

– Может, заметили тебя? Затаились?

– На мне темный кожух был, и шапка, и сидел я в самом углу, темно там. Ну а если как сумели заметить, у меня шапки-невидимки нет.

Последние его слова можно было счесть за дерзость: видно, отрок и впрямь умаялся досмерти. Но Феофания решила не гневаться: он ей еще нужен.

– Ступай отдыхать. Здесь, в передней горнице ляг. Я князю скажу, чтобы он мне тебя передал на время.

Богдалец поклонился и убрел спать. В тот же день Феофания завела разговор с Романом: мол, просит уступить ей Богдальца, дело для него есть важное. Проследить кое за чем.

– За чем? – вполне равнодушно спросил Роман. – Коли нужен, так бери, конечно.

– Опасаюсь покражи, – важно ответила Феофания.

– Покражи? – Роман высоко поднял брови, показывая недоверия: откуда у нас покражи?

– Как бы не тать у нас тут орудовал. – Феофания не сводила с лица внука пристального взора. – Шуму пока поднимать не хочу, а нужен толковый человек – проследить.

– Богдалец толковый, он справится, – спокойно кивнул Роман и больше ни о чем не спросил.

Если речь идет о том, что кто-то тайком ест сметану в погребе или крадет яйца, ему нужды нет. И непохоже, чтобы он думал, что кража-то грозит его собственной чести! Но и мысль о том, что ночью кто-то наблюдает за теремом, его тоже не встревожила. Феофания и волновалась, что предупредила внука о ночном дозоре – но ведь убедилась уже, что не Роман ходит к жене, а наоборот, он не ходит никуда!

Ох, прости господи, помилуй, Пресвятая Богородица Владимирская, всех скорбящих радость! Ну и хлопоты на старости лет! Знала же, что от вронской девки добра не будет, но такого не ожидала! Кабы ведать, нипочем не допустила бы этой свадьбы, хоть бы невеста три воза чистого золота привезла! Костью легла бы на пути, а не допустила бы ее в Плечеев!

Какая угроза заставила ее согласиться, Феофания предпочла забыть.

В тишине горницы, где лишь в углу слабо мерцала лампадка, отворилась дверь из сеней. Не раздалось ни единого звука, ни скрипа, и Евланья догадалась об этом лишь по дуновению холодного воздуха. Она проснулась среди ночи, сама не зная отчего. Уловив, что рядом кто-то есть, замерла, даже дыхание затаила, хотя лучше было бы дышать ровно, притворяясь спокойно спящей. Неужели он? Неужели князь идет?

Кто-то проник в горницу – шел неслышно, видать, босиком, и Евланья только чуяла движение воздуха. Открыть глаза не решалась, чтобы себя не выдать. Хотя от них-то Роману зачем таиться, они с Варисой ему и Апраксе служанки верные!

Бесшумный гость пересек горницу, направляясь к дальней двери – к опочивальне княгини. Ну точно, Роман. Значит, все-таки не по тайному лазу проникает, а как все люди. Евланья прислушивалась, но звука у второй двери не уловила. Какие-то мгновения стояла тишина. Потом по горнице опять пролетело движение воздуха, повеяло холодом сеней, и все стихло.

Утром Богдалец попросил Аниску передать, что хочет видеть госпожу Феофанию.

– Сторожил я, как ты велела, – сказал он, поклонившись. – Да вот навел меня бог на мысль...

– Какую?

– Прошел я за полночь в горницы к госпоже Апраксе. Бабы ее спали, я из передней горницы под дверью послушал. У нее в опочивальне кто-то был.

– Кто? – Феофания подалась вперед.

– Мужской голос слышал. Тихонько говорили, да все же разобрал, что двое беседуют. А до того никто по лестнице не проходил.

– Не проходил? Как же он туда попал? Не может же она его там всегда держать?

Богдалец лишь слегка развел руками: того не ведаю. Феофания сидела, глядя в пространство. Сложно было вообразить, что Апракса многие дни держит у себя в покоях неведомого

мужика, и никто из челяди того не замечает! Его же кормить надо, мыть, обстирывать и того... убирать за ним. Если бы ее девки все время таскали в горницы лишнюю еду и выносили ведра, челядь скоро приметила бы. Не может он там жить, кто бы ни был! Но также невероятно, чтобы имелся тайный ход в спальню княгини, а она, Феофания, сорок лет проживя в этом тереме и зная в лицо каждую мышь, в эту тайну не проникла! А вертихвостка, едва здесь показавшись, тот ход обнаружила и любовнику показала.

– Ну вот что...

Терпение Феофании было на исходе. Мелькнула мысль вызвать невестку и твердо потребовать признания: кто к ней ходит и от кого она тяжела. Но чутье подсказывало, что этим она ничего не добьется. Апракса скажет, что от мужа, а Роман откажется об этом говорить.

Где-то в закоулках ума попискивала мысль, что сама Феофания ворожкой привела все в расстройство, даже рассудок собственного внука-князя, но к этому писку она прислушиваться не хотела. Избавиться от вронской девки, а тогда уж все и наладится!

– Вот что... – повторила она, чувствуя себя воеводой перед полем решительной битвы.
– Игната ко мне...

– Ты со мной никогда не говоришь про твои дела.

– А что тебе до них? – беззаботно ответил Роман.

– Отец всегда с матушкой про свои дела толковал. Сперва с боярами и старцами градскими в престольной палате пособа... поспорит, потом к матушке поднимется и там еще речи держит, из угла в угол бегают, и так их, и сяк! – Апракса тихо засмеялась, уткнувшись носом Роману в плечо. – Она слушает, слушает, потом скажет: тебе бы сделать так и сяк. А дня через три он ей: я надумал делать так – и ее же слова повторяет. Она кивает: истинно, это ты мудро придумал! А что сама же подсказала – ни слова. Он забыл, и она как бы забыла.

– Мудрая у тебя матушка! – хмыкнул Роман. – Повезло Святославу Давидовичу.

– Только в одном он ее не послушал – матушка сильно не хотела меня сюда отдавать. Это уж он настоял, да я и сама хотела. Все меня отговаривали, а я знала: ты моя судьба. Я тебя любить буду и любовью всякую вражду одолею. Где есть любовь – там бог пребывает, а где бог, там все устроится.

И снова Роман чуть заметно вздрогнул, но тут же ласково погладил ее по волосам:

– Храбрая ты у меня!

– Ну а что ты думаешь – я глупее матушки? Я молода, опыта и мудрости у меня таких нет, но чем смогу помогу.

– Да разве тебе это любопытно? Что за радость – посадские склоки разбирать?

– Я хочу тебе помогать! – Апракса приподнялась и посмотрела ему в лицо. – Во всем помогать. Ты, может, думаешь, бабы глупы, что в них толку? Но я хочу бы знать, что тебя занимает. Послушаю, поумнею, может, и подскажу чего.

Роман тоже приподнялся и положил руку ей на затылок:

– Ты меня занимаешь, лебедь моя. Про дела я в престольной палате думаю. А здесь хочу думать о тебе одной.

В углу горела лампадка, Апракса едва различала черты Романа, но любоваться его красотой она могла бы без конца. Он и правда здесь был совсем не таким, как днем в нижних палатах. Там он держался с ней ровно, вежливо, равнодушно; Апраксе казалось, он приучил себя смотреть сквозь нее, не замечая. А ночами приходил совсем другой Роман: оживленный, веселый, ласковый. Только сейчас она сообразила, что он говорит с ней только о ней самой, о ее делах, заботах, о том, что у нее на сердце, и даже не поминает свои княжеские дела. Ей было приятно – князь Святослав в заботы княгини Варвары не входил, если сама не попросит, и

Апракса чувствовала себя любимой сильнее, чем ее мать, чем все жены на Руси. Так и должно быть, ведь Роман – лучший из всех князей русских! Только вдруг обеспокоилась: может, ему нужна ее помощь, совет? Ей так повезло с ним, но и она должна быть его достойной! Должна сделаться его верной опорой, самой мудрой, самой преданной и разумной госпожой княжеского дома.

Лампадка бросала в темную глубину его глаз яркие огненные искры. Вглядевшись в них, Апракса успокоилась. В этих глазах не отражалось иной мысли, кроме как о ней. Он и не хотел здесь думать о делах...

Как уже тысячу раз, Апракса потянулась к Роману. Он прижал ее к себе, погружаясь в поцелуй; все мысли, сам рассудок птицей рванулся прочь, вытесненный блаженством его близости...

Вдруг откуда-то обрушились грохот, шум, топот! Дверь из передней горницы распахнулась, послышался отчаянный женский крик – похоже, Евланья, – и в спальню ворвалась толпа людей с факелами. Апракса не сразу сообразила, что происходит, и только когда на закрытые глаза упал огненный отблеск, отшатнулась от Романа. Вскрикнула от неожиданности, прижала к себе одеяло. Впереди толпы стоял Игнашка-ключник с выпученными глазами и факелом, за ним теснились еще какие-то отроки. А она в одной сорочке и с непокрытыми волосами! Прижав одеяло к груди, Апракса подумала, как бы залезть под него с головой, но тогда она не будет ничего видеть.

Роман сел в постели и в удивлении уставился на неожиданных гостей.

– Это что? – властно спросил он. – Пожар, никак? Или ты, Игнашка, меня убить навестился, как князя Андрея Юрьича в Боголюбове его челядины убили? Окстись, я тебе руки-то укорочу!

В голосе его послышался грозный рык, и отроки попятнулись.

– К-княже... – пробормотал Игнашка, весь живое изумление. – Да я разве... какое там... я слуга твой верный...

– Чего ввалился, княгиню напугал? Пожар в тереме? Отвечай, что стоишь, как болван тматороканский?

– Нету пожара. Все споко...

Отроки потеснились, и между ними пролезла Феофания.

– Госпожа бабушка? – Роман удивился еще сильнее. – Что у тебя за беда? Вороги напали? Рать половецкая под стенами?

– Р... Рома... ша... – Феофания смотрела, выпучив глаза, как будто не ожидала застать ничего подобного.

– А вы кого здесь ждали найти – владыку Василия?

– М-мы... Слух был, что тати...

– Тати? Вы татей здесь ловите всей толпой? У княгини в опочивальне среди ночи? Вы сбесились? Или это мне сон дикий видится?

Феофания сглотнула и покачнулась. Богдалец, робко глядя из-за ее плеча, поддержал госпожу под локоть. Оба они явно желали, чтобы все это оказалось сном.

– Нету здесь татей, – отрезал Роман. – Со мной жене опасаться нечего. Шла бы ты к себе госпожа, молилась да ложилась почивать. Вольно ж тебе по терему взбеситься бегать – в твои-то годы!

Роман говорил сурово, нахмутив изломленные темные брови, и глаза его при свете факелов горели сдержанным гневом.

– Прости, господин! – Игнашка низко поклонился и бросил смущенный взгляд на Феофанию. Вслух свалить все на госпожу он не смел, но ясно было, кто все затеял. – Прости, что потревожили. Мы... пойдем, да?

– Да уж пойдете! – насмешливо подтвердил Роман.

Феофания попятилась, и Богдалец повел ее к выходу. За ней двинулся Игнашка с подручными. Последней вышла Евланья, знаками показывая, что все это обрушилось на нее, как снег на голову, и от возмущения у нее нет слов. Дверь закрылась. В опочивальне снова стало тихо и почти темно.

Апракса повалилась на подушки, бессильная и немая от растерянности. В голове звенело. Какой срам – толпа челяди видела ее неодетой, в постели с мужем. И Феофания – ворвалась, как Змий Горыныч. Вот же бес принес старую жабу! Неймется ей. И чего добивалась?

– Чего ей было надо? – Наконец Апракса обрела дар речи. – Татей она боится! Как бы не так! Посмотреть хотела, с кем я ночи провожу. Ну вот. Посмотрела. Что теперь? – Заволновавшись, она повернулась к Роману и схватила его за плечо. – Будет гневаться на тебя?

– Да пошла бы она в елкин пень со своим гневом! – беззаботно ответил Роман и засмеялся. – Мы с тобой там, где и должны. Это ей срам – по чужим опочивальням лазить ночью. Вот устроила бабка кутерьму, теперь и сама небось не рада.

– Думала, что ли, у меня любовник здесь? Какой-нибудь отрок пригожий?

– Или Всевка.

– Да ну ты что? – Апракса вытаращила глаза. – Он ведь мне деверь, это ж грех какой!

Роман только повел плечом и положил руку ей на волосы:

– Спи, моя родная. Ничего не бойся.

И Апракса заснула.

Глава 5

Утром Богдальца почти в темноте растолкала зевающая Лиска.

– Госпожа велела... чтоб ты пошел к князю и посмотрел, у себя он или где.

Лиска ждала, что Богдалец сейчас покроет по матушке и ее, и в мыслях – госпожу. После ночного-то переполоха кто бы удержался и не покрыл? Но Богдалец поморгал, приходя в себя, встал с расстеленного на полу тюфяка, пятерней пригладил волосы и без единого слова пошел к двери. Лиска даже подумала: не пойти ли за него замуж? У госпожи в чести, собой недурен, а нравом-то не человек, а чистый ангел!

Вскоре случилось еще более невероятное: получив весть, что князь спокойно почи- вает у себя, Феофания сама отправилась к нему. Почти тайком, без шума, пока челядь еще только потягивалась, собираясь приступить к дневным трудам. Уже проснувшиеся шушука- лись, обсуждая ночную замятню, но многие не могли взять в толк, о чем был шум-то? Застали Романа в спальне у княгини молодой – и что? Князя же, не любовника! У жены ведь, не у девки какой!

Когда Богдалец осторожно вошел, Роман еще спал.

– Господин! – Богдалец склонился над ним. – Проснись, господин!

– Что такое? Богдалец, ты? – Князь с неохотой разлепил глаза. – Чего тебе? Или поймали вашего татя?

– Госпожа княгиня пришла, хочет говорить с тобой.

– Какая княгиня? – Роман сел, моргая. – Апраксинья?

– Да нет. Госпожа Феофания.

– Что стряслось? – Роман нахмурил черные брови с видом искреннего недоумения. –

Она здоро...

Осекся, сам сообразив: была бы бабка нездорова, так его позвали бы к ней.

– Хочет говорить с тобой.

– Давай одеваться, сейчас выйду.

Выйдя в переднюю горницу, Роман застал там свою бабуку в довольно жалком состоянии духа.

– Ох, Романушка! – вполголоса заговорила она, едва его увидев. – Ох, Богоматерь Влади- мирская, Державная Владычица! Так-то ты мне отплатил за все заботы мои! Я тебя чуть не на руках носила – сил-то было поболее нынешнего! Кормила, поила, сама тебе рубашонки шила, когда хворал – ночами сама с тобой сидела, не покидала на нянек, а ведь у меня вся земля Плечеевская осталась на руках, с вами двумя! Поспать было некогда, лоб перекрестить! Всю жизнь, почитай, с вами промаялась, о душе было вспомнить некогда! А ты как мне отплатил!

– Да что случилось, бабушка? – Роман склонился над сидящей старухой. – Все помню, ничего не забыл. Ты мне и Всевке была что родная мать. Когда же я тебе неблагодарен был, непочтителен? Ты здорова? На тебе лица нет!

– Да уж мое лицо теперь поскорее бы куколем покрыть от срама! А все ты виноват! Я ведь говорила с тобой давеча. – Феофания немного взяла себя в руки. – Спрашивала, как мать сына родного: бываешь у жены? А ты что? Сбежал, как отрок из чужого малинника! Нет бы сразу сказать: да, бываю, захаживаю. Чего стыдиться, твое дело законное! Я бы и знала. И не искала бы, что за чужой молодец у нее по ночам... О тебе ведь радела, хотела честь твою уберечь! А сама попала, как кур в ошип! Осрамилась на старости лет. Не знаю, как людям теперь на глаза показаться. Скажусь больной, из горницы не выйду, пока в монастырь не уеду. А вы тут в дому управляйтесь с княгиней твоей, как сами знаете!

Когда Феофания заговорила о жене, лицо Романа приняло уже знакомое ей замкнутое выражение. Но его быстро сменило удивление.

– Не пойму я тебя, – начал Роман, когда Феофания замолчала и стала кончиком платка протирать слезящиеся глаза. – Кому какое дело, бываю я у жены или... или... Словом, кому что за печаль?

– Да кабы я знала, что ты у нее там, не стала бы людей скликать и туда ломиться! Богдалец сказал: точно бывает у нее кто-то, сам голоса слышал! А князь, он сказал, у себя спит всю ночь и не выходит! Или он меня обманул, стервец? – Феофания оглянулась на Богдальца, скромно стоявшего у двери. – Ты меня обманул, лукавец, бес приبلудный? Зачем? С вертихвосткой той столкнулся, хотел меня выставить на позор!

– Постой! – Роман тронул бабку за плечо. – Оставь отрока. Мне растукуй – ты была в спальне у Апраксы?

– Ну так нынче же ночью! Ты меня еще... взбесился бегать... – Голос Феофании задрожал от обиды и прервался жалким плачем, так не шедшим к этой гордой женщине. Оскорбление, выслушанное при невестке и челяди, жгло ее душу, и остудить этот огонь могли только слезы. – Как ты мог меня... при людях... – еле выговорила она, закрыв лицо платком.

Растерянный Роман поверх ее головы бросил взгляд Богдальцу и глазами спросил: что все это значит?

– Ты не понимаешь, господин? – тихонько ответил тот.

– Бей меня бог, если понимаю. Кто тут взбесился? Я будто сплю.

– Ты, господин, нынче ночью где... Ты же здесь был? – поправился Богдалец, ибо не пристало слуге допрашивать господина.

– Здесь был, – подтвердил Роман, помня, что ночевал иной раз у Всеволода в их старой опочивальне.

– А у госпожи княгини твоей в горнице кто-то был, говор слышен, и голос мужской. Ну, госпожа Феофания и решила допытаться: кто? Пошли мы туда... с людьми. Дверь незаперта была. Вошли, а там... ты.

– Я?

– С ней, с госпожой молодой.

– Но как это... – Роман не мог вообразить, чтобы за него собственные домочады приняли кого-то другого.

– Я тебя видел, госпожа княгиня, – Богдалец глазами показал, которую княгиню имеет в виду, – и Игнат-ключник, и еще отроки теремные. Вот госпожа и огорчилась, что ты ей не сказал, что бываешь у жены. Кабы она знала, не стала бы искать.

– Так вы... так она... Она мне сказала, что тать завелся. Покражи какие-то, надобно следить... а это вы за моей женой... розыск вели?

– Истинно, господин.

Роман перевел взгляд на утирающую слезы Феофанию, но это зрелище ничего ему не прояснило.

Подумав, он без единого слова вышел из горницы.

С утра Апраксу немного лихорадило. Она проснулась с головной болью, со слабостью, но тут же вспомнила ночной переполох. От такого и захворать недолго! Подумала даже, не скажется ли больной и не пролежать ли день в постели, но отогнала эту мысль. Феофания бросила ей открытый вызов, но первую, самой же затеянную битву с позором проиграла. Не стоило упускать успех, отсиживаясь у себя. Пусть Феофания больной притворяется! А ей, Апраксе,

нужно выйти и показать, что ей-то нечего стыдиться! Теперь старухе и нет иной дороги, кроме как в Георгиевский монастырь. А княжий двор пусть видит, кто здесь теперь хозяйка.

Бариса уже причесала и почти одела молодую княгиню, как позади охнула Евланья, раздались уверенные мужские шаги. Апракса обернулась – в горницу входил князь.

– Роман! – Апракса вскочила, в приливе восторга забыв о недомогании. – Ты пришел!

Он явился утром. Не ночью, тайком, а при свете дня, на глазах у всего двора. Покончено с «игрой в любовника», с тайными ласками мужа и жены в угоду злобной старухе!

Легкой птицей Апракса метнулась к нему, бросилась на шею и поцеловала. Ощутила, что муж какой-то не такой, деревянный: прикосновение к нему не вызвало обычного отклика, не пустило волну будоражащего тепла по всему телу. Сам же он вздрогнул и, взяв за руки, отодвинул ее от себя. Не выпуская ее рук, будто боялся, что опять кинется, уставился ей в лицо.

– Ты что... Апракса?

– А ты что? – Она смотрела на него в изумлении. – Что не так? Или бабка за ночь померла от злости?

– Как ты можешь? – Роман выпустил ее руки и отстранился. – Бабушка мне мать заменила...

– Да знаю я! Сто раз эту песню слышала! – Теперь Апракса не боялась высказать ему, что было на душе. – Как она рук не покладала, сладок кус не доедала, все с вами двумя нянчилась. Да теперь-то вы уже не дитяти, а мужи. И ты – мой муж, законный, венчанный! Больше-то не станешь тайком ко мне лазить, будто тать?

– И здесь тать! Что творится? Я с ума сбред? Или вы все?

– Да что с тобой опять? Заколдованный ты, что ли? – Голос Апраксы зазвенел отчаянием, и Роман с ужасом вообразил, что и эта сейчас пустится в плач. Хоть святых выноси, да и сам уходи! – Как ночь, так лебедь моя белая, супруга желанная! А как день – ты снова как чужой, знать меня не хочешь, будто я не жена тебе, а нищенка с паперти! Уже дитя ждем, а ты все на бабку оглядываешься?

Изумленно глядя на нее, Роман поднял руки, будто хотел силой удержать на месте свою голову.

– Дитя?

– О Пречистая Матерь Божья! – Апракса сильно всплеснула руками. – Ты уж верно не в себе! Ты забыл? Я тебе говорила! Сколько раз!

– Ночь... лебедь белая?

Апракса не ответила, пристально вглядываясь в его изумленное лицо. Это был не тот Роман, которого она в последнее время так хорошо узнала.

– У тебя что... – севшим голосом прошептала она, – на день память отнимается?

– Память... о чем?

– О том... как ты... как мы... Ты бываешь у меня... каждую ночь... с Покрова...

Апракса прикусила губу. Упомянув Покров, вспомнила, что сделала ради своего счастья. Как кричала в печь: «Дым-дымок, чад-чадок...» Как заклинала огненного змия высушить сердце Романа и присушить к ней, жене законной. Огненный змий наказ выполнил. Но, похоже, он был властен над волей Романа только ночью. Днем тот становился собой, и... днем он не любил ее. Ни на волос любви не было в его изумленных глазах. Только безграничное изумление, неуверенность и тревога.

Вот в чем разница. Ночной Роман не имел и следа этих слабостей: он был веселым, уверенным, даже беззаботным. Предавался любви всей душой и всем телом, не держа и мысли о чем-то другом. Апракса всем существом ощущала, как он сливается с ней в единое целое, и это было главным ее блаженством.

Но этот, дневной Роман совсем не помнил того, ночного. Невидимая стена между ней и мужем была так ощутима, что Апраксу тянуло поднять руку и ее потрогать. Все как в пер-

вые дни и недели после свадьбы, когда она молилась... молилась всем святым, прося господу обратить на нее любовь Романа. Иичего не помогало, пока Мамышиха во сне не подсказала ей вернейшее средство.

Апракса смотрела мужу в глаза, и его взгляд возвращал ее в те ужасные недели перед Покровом. В душе у нее что-то рушилось – беззвучно и неудержимо. Растаяли те райские палаты, где она прожила все время своей начарованной любви. Роман околдован – он не стал бы прикидываться сейчас, наедине с ней, он и правда не помнит, что делает ночью. Чары любви действуют только во тьме. А днем он не притворялся перед бабкой и прочими – он правда не помнил... не любил ее. Напрасно она надеялась, что сумела завладеть его любовью. Им завладели чары. И навела их она сама.

Ослабели ноги, бросило в жар. Апракса отвернулась и села на неубранную постель. Не глядя, махнула Роману рукой: уходи.

И он исчез также тихо, как делал это на исходе каждой ночи.

В этот раз Романова княгиня не вышла ни к обеду, ни к ужину. Евланья забрала на поварне кое-какой снеди для нее и для себя со служанками, и никто не спрашивал ее, в чем дело: о беременности молодой уже знал весь княжий двор. Никто вроде бы не говорил об этом вслух, но такие вести распространяются по воздуху. Бабы только переглядывались за спиной Евланьи и значительно кивали друг другу, лицами изображая сочувствие.

– Храни госпожу нашу Апраксину Святославну матушка Пресвятая Богородица, – шамкала вслед Евланье бабка Ануша.

Старая княгиня тоже засела у себя. Челядь ходила притихшая: все до последнего мальчонки знали, что ночью в горницах была какая-то заваруха, столкновение между старой княгиней и молодой, но никто так и не понял, в чем дело. Князь же при этом был? Значит, полюбовника никакого не нашли, старуха молодую напрасно обвинила, а та оскорбилась. Терем затих, ожидая грозы, Челядь шныряла неслышно, без обычной болтовни. Роман с братом выходили в нижние палаты, Роман занимался обычными делами, держался спокойно. На его осунувшемся лице отражалась мучительная внутренняя тревога, однако даже Иерофей не решился его спрашивать.

После ужина к боярину-кормильцу подошел Богдалец и шепнул:

– Госпожа зовет.

Иерофей уже знал: Богдалец теперь в подчинении у Феофании, госпожа – это старая княгиня. Вслед за неслышно ступающим за отроком боярин поднялся в покои. Думал по пути: невесть откуда взялся этот Богдалец, а так прижился: предан, вежлив, почтителен, сдержанно-приветлив, а как чуток! Никогда не топнет, дверью не хлопнет, голоса не возвысит, на глаза не лезет, а как понадобится – оглянись, и он тут. Слова дурного не скажет. Золото, а не слуга. Спросить бы, откуда явился и нет ли там еще таких. Но было в Богдалыце что-то, что затворяло путь любопытству: он не лез в чужие тайны и тем закрывал дверь к своим.

Кланяясь, Иерофей отметил: Феофания не больна, но очень расстроена. Бледна, лицо отекающее, взгляд тусклый. Рядом с ней сидел отец Клавдий, ее духовник, – лет пятидесяти, из бывших гридей, отчего она ему доверяла, огрузневший, морщинистый. Блекло-рыжеватые длинные волосы были зачесаны назад от низкого покато лба и собраны в хвост, густая борода темнее волос, а глубоко посаженные голубые глаза всегда хранили сосредоточенное и печальное выражение. Отец его был в числе тех гридей, что сорок лет назад погибли на Избоище вместе с отцом и братом самой Феофании, она вырастила мальчонку-сироту, отпустила сперва в гридьбу, потом в иночество, и в старости он взялся стеречь от погибели ее душу.

Феофания молча указала Иерофею на скамью, но вскоре пришлось опять встать: явились князь с братом. Всеволод был встревожен и явно растерян. Теми же воздушными путями до него дошло, что в спальне у снохи отчасти ожидали застать его самого. Взглянуть на Апраксу с похотливым помыслом ему и на ум ни разу не всходило, этим подозрением он был втайне оскорблен, но гневаться на бабуку не смел и в душе возлагал вину на саму Апраксу. Она тоже ни разу не взглянула на него неподобающе, но дала ведь повод себя подозревать! Какой? Всеволод не знал, но помнил, как на третью или четвертую ночь после венчания обнаружил брата опять на прежнем холостом месте, а этому же должна быть причина!

Роман и начал говорить: княжеский долг его к этому обязывал, но понимал он не больше, а меньше прочих.

– Нынче ночью... – Он старался не смотреть на бабуку и блуждал взглядом по горнице, не касаясь лиц, – у жены моей... кхм... – он прочистил горло, будто это слово там застряло, – застали... меня. Феофания Ростиславна меня винит, мол, я ей не сказал, что бываю... в тех покоях. Я... истинный крест... я не знаю. Я не... не собирался к ней бывать. Если вы все, – он все же глянул на бабуку и Богдальца позади себя, – меня там видели... Коли я... снобродом⁵ заделался... я не ведаю. И бабуки моей оскорбить... утаить... не хотел. Истинный крест.

– Ты не спал, Ромаша. – Феофания качнула головой. – Уж не знаю, в забвении ли ума ты к ней прибрел, но ты не спал. Бодрее был, чем иные посреди ясного дня. Говорил с нами. Гневаться изволил, что потревожили. Очами сверкал, что твой орел.

Роман сглотнул. Из утреннего разговора с женой он вынес главное: Апракса уверена, что он бывает у нее каждую ночь, и уже давно. Если с Покрова, то выходит больше месяца – уж скоро Четырдесятница⁶. И дитя княгиня понесла, весь двор знает. «Заколдованный ты, что ли? – крикнула она. – У тебя на день память отнимается?» При всей растерянности, эти слова Роман запомнил. Но оценивал их иначе.

– Помилуй мя, господи! – Роман опять перекрестился, собираясь с духом. – Уж нет ли... на мне ворожбы какой? Сдается, память у меня... на ночь отнимается, вот я и хожу... сам того не ведаю. А под утро к себе возвращаюсь, ложусь, засыпаю, а как проснусь – не помню ничего.

Он прикрыл глаза и сильно вздрогнул. Было еще кое-что, в чем он не мог сознаться. Но дрожь сотрясала его, как удары невидимого бича, от мысли, что ночью он, того не ведая, ложится в постель с мертвеницей. С тем ужасным телом, где сквозь высохшую кожу проступают кости. И не просто ложится – коли она понесла... При мысли об этом, о сотворенном им самим в забвении ума плоде мертвого чрева Романа так замутило, что он схватился за горло и с усилием сглотнул. Еще не хватало осрамиться в покоях у бабуки...

Его признание встретили мертвой тишиной, и даже переглянуться слушатели решились не сразу. Феофания смотрела перед собой расплывшимся взором, шевелила губами, но даже молиться не могла. Ее это признание как дубиной по голове ударило. Она и раньше заподозрила, что сама приложила руку к нестроению в доме. Но она хотела повредить вронской невестке. И чары сработали, но как-то не так. Она хотела отвадить Романа от жены, но удается это только на дневное время.

– Может, это можно как-то... отчитать? – Всеволод первым нарушил молчание и посмотрел на отца Клавдия. – Отчитывают от снобродства?

– Матушка, где у тебя Евангелие? – обратился отец Клавдий к Феофании.

Старая княгиня была грамотна и сама когда-то читала Писание; уже много лет зрение ей этого не позволяло, и читал ей сперва сам Клавдий, а потом приводимый им степенный послушник Харисим. В последние дни в нем отпала нужда: Богдалец оказался грамотным и читал даже складнее послушника, сына боярского. Он и принес на стол тяжелую книгу из ларя

⁵ Сноброд (по В. Далю) – лунатик, снобродить – ходить во сне.

⁶ Четырдесятница, или Рождественский пост – последний длительный пост в году, начинается 28 ноября.

в красном углу. Отец Клавдий было взялся, но сморщился – буквы расплывались, оглянулся в поисках Харисима, поглядел на Всеволода:

– Отроче, найди Матфея, четвертую главу.

– Позволь мне, отче, – тихо подсказал Богдалец и живо нашел. – Вот это место надобно?

И прочел гладко и нараспев, как не сумел бы Всеволод:

– «И изыде слух Его по всей Сирии: и приведоша к Нему вся болящия, различными недуги и страстьми одержимы, и бесны, и месячные, и расслабленные: и изцели их»⁷.

– Это я что же... бесноватый? – Роман нахмурился.

– Нет, княже, – утешил его отец Клавдий. – Месячные, то есть сноброды, господом приравнены были к болящим различными недугами.

– Но тут же сказано про бесноватых.

– В тебе нет беса, а есть только расслабление памяти. Но без дьявола тут не обошлось, он на человека наводит смущение ума. Тебе, княже, молиться надо больше да причащаться. Я еще с владыкой поговорю. Ему виднее. Чтобы князь да в месячные... иначе лунаты... не слыхал я о таком. Всякий недуг духовный постом и молитвой изгоняется!

Феофания закивала, но ее остановившийся взгляд обращен был к собственному греху.

– Так... прежде чем князя в бесноватые рядить, давайте-ка вот что сделаем, – кашлянув, подал голос Иерофей, до того сидевший тихо. – Ты, княже, не помнишь, чтобы к жене ходил? Кто-то видел, как он туда идет?

– Никто не видел! – ожив, ответила Феофания. – Снаряжала я отрока, – она кивнула на Богдальца, – следить за ним... уж прости, Ромаша, но как я проведала, что она тяжела... Говорит, ни разу не видел, чтобы ты вставал и к жене шел.

– Так может, он и не ходит? – сказал Иерофей, и Роман вскинул голову, озаренный надеждой. – Давай-ка сделаем так. Нынче ночью ты, княже, возьми к себе в горницу кого... да хоть брата, и пусть он тебя стережет.

– Богдалец уж стерег, – напомнила Феофания.

– Мы вот что! – торопливо вставил Всеволод. – Я буду у Романи ночевать, глаз не сомкну, а вы нас снаружи заприте. И захочет, а не уйдет, даже пусть на меня дьявол сон наведет непробудный. Сноброды через стены и двери-то закрытые не проходят!

– Это ты, сынок, дело говоришь! – обрадовался Иерофей. – Запрем вас на замок, и сам я буду под дверью стеречь. Да одной двери мало. Надобно по всему терему, по двору даже надежных людей расставить, да тайком, без шума. Скажем, чтобы бдили да следили, а будет что странное – подымали бы шум.

– Ох, от людей слух пойдет, будто князь бесноват! – заохала Феофания. – Того еще позору нам не доставало!

– Про снобродство мы не скажем. Если к молодой ночью никто не придет... – Иерофей подумал, – то или князь у нас снобродит, или... или я уж не знаю какой бес.

Они еще потолковали, как лучше устроить дело, и разошлись. Князь разрешил привлечь еще несколько надежных людей: Иерофеева старшего зятя Ельдигу, Ратимира, Рагуила с Елимкой, Иванку Рябого, Макарку Корца, Лобыря. Сам пошел к себе в покои, Всеволод следовал за ним по пятам. Иерофей должен был тут же запереть их на замок, которым пользовались, если князь надолго уезжал.

Роман хмурился и подавлял дрожь. Кандалы бы железные согласился надеть, лишь бы сдержат месячного беса в себе!

⁷ От Матфея, глава 4, стих 24.

Глава 6

К Ратимиру Иерофей зашел сам и тут же уехал назад на княжий двор – стеречь под дверью. Объяснился он очень коротко, но Ратимир живо уловил суть. Новостью для него беда не стала: побыв дружкой на Романовой свадьбе, он считал себя в ответе за хорошую жизнь молодых и пристально наблюдал за ними с первых дней. Человек любопытный и даже настырный, он через отроков и дворовых девок признавал обо всех слухах и сплетнях и что ни день подробно обсуждал их с Лексаной в доверительных беседах, которые, увы, мало что проясняли. В ночной дозор он снаряжился охотно и быстро, но позаботился о подкреплении. Одного отрока он послал на Владычный двор, где проживал в избенке с женой и малым чадом отважный дьякон отец Арефа. Двух других с телегой – на Баранец, за дедом Фларем, велел привезти его волей или неволей. Звали же старого увальня оберегать свадьбу, а он какого-то беса проворонил – пусть теперь сам и исправляет недосмотр.

Не собираясь тащить все это обчество в княжьи палаты, Ратимир договорился с Лобырем, что возьмет на себя двор. Жаль, некому было любоваться на этих трех богатырей: Ратимир с саблей наготове, отец Арефа – выше его ростом, но вдвое моложе и вдвое уже в плечах, и замшелый старец Фляр с седой бородой по колено и с решетом в руках. В ранних сумерках предвзято Ратимир расставил свою рать по двору: Фляр – у ворот, отца Арефу – под навесом на длинном крыльце поварни, а сам устроился за погребом. Так они могли держать под надзором и ворота, и главные службы, и лестницы в терема. Иерофей заодно с Феофанией сомневался, что вне дома что-то произойдет: бес-то сидит внутри у князя. Но Ратимир в это не верил и ждал, что бес явится на княжий двор снаружи. Если он и впрямь бес – Фляр его увидит, а отец Арефа изгонит. Если же мерзавец окажется простым смертным – тут Ратимир полагался на собственную силу и отвагу, подкрепленные саблей.

Весь день Апракса пролежала в постели: ее немного лихорадило, немного мутило, не хотелось есть, не было сил что-то делать. После вторичного ухода Романа она опять легла. Желание показывать в платах свое торжество над Феофанией пропало начисто – да и где оно, торжество? Любовь мужа принадлежала ей только ночью, а днем он на самом деле, неприговорно оставался чужим и холодным. Его взгляд и сейчас стоял у нее перед глазами: пристальный, будто он впервые ее видит, полный затаенного страха и даже отвращения. И это после того, что было!

И вот теперь они оба знают: он – что ходит по ночам к жене, а она – что его заставляют это делать чары, а не любовь. Нужна ли ей такая любовь? От досады Апракса велела запереть дверь в сени. С самой свадьбы она держала их открытыми, ожидая мужа. Больше она его не ждет. Если и явится, ведомый теми же чарами, то потопчется и уйдет восвояси. А она потом подумает, что ей делать и как жить дальше.

Только мысль о ребенке несла ей утешение. Пока тот сказывался лишь недомоганием, но это сын Романа, будущий князь! Если ей удастся доносить его и благополучно родить, то ее места как госпожи земли Плечеевской никто уже не оспорит, нравится им или нет!

И все же, несмотря на все обиды, засыпая, Апракса почти невольно мечтала: когда дитя появится на свет и Роману дадут его в руки, нежели сердце его не дрогнет, не обратится к той, которая...

Очнулась Апракса в темноте, среди тишины в тереме. Разбудили ее мягкие поцелуи горячих губ, скользящих по ее виску и щеке на шею, щекотка бороды. Ее облекало тепло крепкого тела, прижавшегося к ней сзади.

– Кто... – Апракса вздрогнула и вскинулась.

И услышала знакомый тихий смех, теплый и беззаботный:

– Индрик-зверь!

– Роман! – Апракса живо развернулась и села.

Конечно, это был Роман. Уже раздетый, он лежал рядом с ней, как все эти ночи. Такой же красивый, веселый и уверенный. И любящий.

– Что ты, как будто напугалась, лада моя? – Он поймал ее руку. – Или сон привиделся нехороший?

– Да... – пробормотала Апракса. – Нехороший...

– Ну, мы это живо исправим... – замурчал Роман и, приподнявшись, обнял ее, чтобы повалить на подушку.

Апракса не противилась, но и не обняла его в ответ. Когда он оказался здесь, вся ее решимость оттолкнуть его, отвергнуть наведенную любовь испарилась. Хотелось броситься в эту любовь, как в горячую воду с холода, раствориться в ее тепле, согреться и обрести уже привычное блаженство единения. Но гордость стояла на пути, и Апракса не знала, как ей быть.

Роман сразу заметил ее колебания; начав было ее целовать, почувствовал ее оцепенение и выпрямился, глядя ей в лицо.

– Что с тобой, лада моя? Тебе худо? До утра еще далеко, только полночь.

– Р-оман... – Апракса отдвинулась, вырываясь из его объятий, чтобы хоть как-то собраться с мыслями. – Ты не помнишь...

– Что я должен помнить?

– Ты утром приходил ко мне. Уже потом, как ушел. И ты... ничего не помнил. Ни как Феофания со своей ратью к нам сюда вчера ночью ворвалась, ни как ты здесь бывал. Совсем. И про дитя даже не помнил. Я поняла: на тебе чары. Ты только ночью... любишь меня.

Она замолчала в отчаянном колебании: рассказать, что сама наложила эти чары призыванием огненного змия, или этого Роман ей не простит? Никому не понравится, что его волю пытаются подчинить чарами, вырвать любовь силой.

– Я не хочу... – выдавила она. – Если нам бог не судил жить в любви... Не надо. Не ходи ко мне.

А ведь когда-то хотела его залучить сюда любой ценой. Но вот «любая цена» заплачена, а радости нет. Тогда томило одиночество, унижала заброшенность, а теперь гордость возмущается.

– Лебедь моя белая! – Ничуть не огорченный и не разгневанный, даже не удивленный, Роман ласково погладил ее по волосам и по щеке. – Не так оно все. Я не ночью околдованный. И впрямь на мне чары есть, только они на дневное время положены. Я ж рассказывал тебе: бабка моя к тебе еще до свадьбы ревновала. Хотела даже извести, со свету сжить. Да побоялась и вот чего надумала: чтобы ночью я, как сноброд, жил с тобой, дети чтобы велись, а днем чтобы не помнил о том, совета твоего не слушал, власть у бабки отнять не помогал. Потому я днем и забываю. А ночью спадают чары, и вот я здесь.

– П-правда...

У Апраксы задрожали губы: потянуло заплакать от жалости к себе, к ним обоим, но и от облегчения.

– Ну конечно! – Роман снова обнял ее, уложил, зарылся лицо в ее волосы. – Люблю тебя больше света белого, и то истинная правда!

Апракса обхватила его руками, впитывая ощущение его объятий, его щекочущей бороды на коже. Роман снова начал ее целовать, и теперь она охотно отвечала ему. Не то чтобы она

сразу поверила, но приняла жизнь, где все было так, как он сказал. Сейчас, ночью, она может поверить. А днем еще подумает...

Хорошо, что она не приказала Евланье запереть дверь... Да нет, вроде же приказала... Или забыла? Или Евланья не стала запирать? Или отперла, когда услышала осторожный стук?..

– Баатюшки святы... святые светители... Святая Владычица наша Богородица, царица неба и земли...

В изумлении дед Фларь поднялся на ноги, хотя уже много лет вставал только с чьей-то помощью. Ратимир посадил его у ворот, на крыльце дружинной избы; ворота стерегли свои сторожа, а ему боярин велел следить, не появится ли какой бес. Кого именно ждут, не сказал. Дед Фларь, чье умение как свадебного берегуна оказалось под угрозой позора, хоть и бранился про себя, но бдил: то и дело осматривал двор, глядя через решето. Пора для наблюдений выдалась не лучшая: холодная ночь предзимья, резкий ветер, от которого стены княжьего двора мало защищали, то капли дождя, то острые мелкие снежинки в лицо. Неужели до утра тут куковать? Но уж до полуночи непременно – полночь всякого беса на волю выпустит.

Луны не было, и в крошечной тьме деду Фларю померещилось мерцание над кровлей терема. Первая мысль была: пожар! Хотел заорать, но опомнился: в такую пору если бы где внутри загорелось от печей или лучин, то повалил бы дым, он бы его учуял раньше, чем увидел огонь. А тут тихое, бездымное облако пламенных искр опускалось на кровлю откуда-то с вышины...

Так мерещится или нет? Вспомнив, зачем здесь сидит, дед Фларь поднял к лицу решето. Обычно он через него не видел вовсе ничего, но тут оно вдруг оказало свою волшебную суть: даже через сетку конского волоса вспышка ударила по глазам. Дед Фларь выронил решето, а в нем уже не было нужды: яркая молния скользнула среди черноты небес, громадный змий, сотканный из пламени, пал на крышу терема, живо скользнул по ней и втянулся в дымовую трубу. По ушам просвистело, прозвучал легкий шип, прошуршала огненная чешуя – и все стихло. Снова стало темно, и только ветер гудел между постройками.

– Охти мне! – Не сразу дед Фларь пришел в себя. – Отроки! Есть кто! Подсобите!

– Чего тебе, дед? – отозвался недовольный голос от ворот.

– Ратимира-боярина позовите! Скажите, видел я! Видел его, врага нашего!

Евланью разбудил тихий, но настойчивый стук в дверь. От всех этих беспокойств она спала плохо и просыпалась от малейшего шума раньше, чем более молодые служанки. Прислушалась, не приснилось ли. Нет – в дверь из сеней постукивали и скреблись, будто и хотели, и боялись привлечь внимание.

Евланья выбралась с лавки, где спала, прошла по коврам к двери. Окликнула в щель:

– Кто там?

– Евланья, ты? – послышался в ответ шепот.

– Я. Кто там? Чего надо?

– Князь у вас?

– Нет у нас никого, – сердито ответила она. – Госпожа спит, не тревожьте ее.

– Точно ли нет? Впусти меня, это я, Богдалец. Я тихонько посмотрю – нет его?

– Да вы все сбесились! – яростно зашипела Евланья, борясь с искушением отпереть дверь, взять гладкого гаденыша за шиворот и потрясти. – То целой ратью врываетесь, теперь ты один лезешь! Грех вам к мужу с женой соваться!

- Так он там?
- Нет там никого, и дверь у нас заперта. Госпожа так приказала.
- Не отпирали никому?
- С вечера не отпирали. И не станем.
- Правду говоришь?
- Да я с чего я врать буду? Поди прочь! Свою княгиню стереги, а мою оставь в покое!

Мысленно плюнув, Евланья ушла к себе на лавку. В сенях было тихо, видно, Богдалец и кто там был с ним, убрались прочь. Опять князя ищут! Пусть бы у него в покоях искали! А ей госпожа велела дверь запереть, она и заперла!

Больше назло Богдалцу, Евланья все же встала, прокралась к дальней двери, приложила ухо к щели и прислушалась. Вроде голос... голос госпожи. Но с кем ей говорить, небось мерещится? Нет, опять ее голос, совершенно ясный. Не во сне ли говорит? Вот тишина... или не тишина, а кто-то ей отвечает, но голосом более тихим и низким... не разобрать.

В одном Евланья могла бы на кресте поклясться: никому она этой ночью дверь не отворяла, и попасть к госпоже никто не мог. С тем она и ушла опять на лавку, чтобы постараться заснуть.

Ко вторым петухам дед Фларь с его решетом получил существенное подкрепление. Возглавлял его сам Ратимир с луком в руках, рядом стоял Лобырь, тоже с луком, отец Арефа с чашей и кропилом. Ночь тянулась бесконечно – глухая осенняя темнота, способная заползать в глаза, уши, в самую грудь, как вода. Промозглый холод, колкие твердые снежинки, шелест несомых по земле бурых листьев. И там, в тереме – огненный змий! Лобырь не поверил деду, на лицах отроков тоже отражались сомнения, но Ратимир, лучше их знавший обо все событиях и подозрениях, живо собрал этот горшок из осколков.

– Это точно он! – шептал Ратимир. – Огненный змий ведь всякий облик может принять, хоть тебя, хоть меня, хоть... владыки Василия!

– Скажешь тоже! Владыки Василия – не может, на нем крест!

– А князя – может. Он к княгине является – князем прикидывается, вот она и думает... Оттого и говор слышен, когда князь у себя в покоях, да и дверь заперта! Только такие молодцы зазорливые и проходят мимо двери – в щелку малую!

– Ну вот пусть он только выйдет! – полусшепотом грозил Лобырь. – Ужо мы ему, гаду похотливому...

И каждый из промерзших отроков невольно завидовал летучему злыдню, который проводит эту ночь в теплой мягкой постели с красивой молодой княгиней, а она любит его, как мужа...

– Что-то ты, дед, недоглядел! – так же тихо пенял Ратимир Фларю. – Тебя звали свадьбу оберегать, а там бесы хороводы водили, как хотели, нам всем в глаза плевали. Мы думали, на свадьбе все и кончилось – ан главный-то бес позже подошел!

– Это уж я не виноватый! – мрачно отвечал дед Фларь, на самом деле чувствуя свою вину. Видать, совсем ослаб от старости. – Коли баба тоскует и к ней змий повадится, тут особые обереги нужны.

– Какие?

– Ну... Ей в свадебное одеться и своего брата рядом посадить. Змий прилетит, увидит это и спросит: как это ты с родным братом свадьбу играешь, не бывает так! А она должна сказать: а как же бывает, что змий к женке летает? Тогда он устыдится и уйдет.

– У княгини брата нет.

– Ну, дочку и сына.

– Только одного кого-то ожидает, и то не раньше Ивана Купалы.

– И то поди знай – от князя дитя или от змия?

– Как же оно будет от князя, если он у ней ни разу не был?

– Тьфу!

Но вот и третьи петухи.

– Гляди, гляди! – предостерег дед Фларь. – Статочно, сейчас он выйдет...

– Не болтать! – рыкнул на отроков Лобырь. – В оба гляди!

Отец Арефа еще раз окропил свяченой водой луки и стрелы. Затаив дыхание, ночная дружина не сводила глаз с крыши терема и оконца наверху, закрытого ставнями.

– Матерь Божья! – пискнул кто-то.

Все разом дрогнули: из печной трубы вверх рванулось разом целое облако огненных искр; на миг зависло над крышей, потом сбилось в плотный ком.

– Бей, бей! – заорал Лобырь и сам пустил стрелу.

Плотный ком снова разлетелся на множество искр и принял вид облака шириной во всю крышу. Неясно было, разбила его стрела или, наоборот, он так ушел от опасности. Отроки разом пустили еще десяток стрел. Часть вонзилась в крышу, часть в бревна стены, одна или две даже попали в ставни, и Ратимир успел подумать с испугом: княгиню бы не застрелить! А то сунется к оконцу...

Огненное облако резко взмыло вверх и там, над княжьем двором, снова уплотнилось. Отроки, задрав головы, водили туда-сюда нацеленными стрелами, прикидывали, есть ли смысл стрелять на такую высоту. Отец Арефа громко читал псалом, дед Фларь бормотал что-то себе в горсть, Ратимир кричал: «Бей, бей!»

Облако пришло в движение: вытянулось и обрело явственное сходство со змеем в огненно-золотой чешуе. Зрители опешили, не веря глазам, а змий расправил крылья из пламени... и разом прынул с высоты на людей!

От неожиданности все вскрикнули и подались назад, кто-то опрокинулся на землю, кто-то отскочил к клети у ворот и скорчился под стеной. Волна огня пролилась с высоты и накрыла двор: расправленные крылья змия покрывали его весь от поварни до дальней клети. С оглушительный полусвистом-полушипом он пронесся над двором, опалив людей жаром, и снова взвился ввысь. Затрещала солома на крышах служб, завопили люди.

– Глаза мои, глаза!

– Господи помилуй!

– И расточатся... врази его!

– Елова мать!

Каждый как мог вжался в холодную землю, закрывая рукам голову и жмурясь; потом отроки уверяли, что у них горели волосы, а дед Фларь всем показывал обожженную овчинную шапку. Свист и шип стремительно удалялись. Когда упрямый Ратимир первым из всех решился поднять голову и протереть глаза, змий уже превратился в далекую молнию в черноте неба, и лишь его целеустремленное движение куда-то на восток выдавало, что это молния не из простых.

– Гориим! Пожаааар! – понеслись голоса из подклета, где спала челядь, и из теремов.

Но запоздалый испуг оказался напрасным: ничего не загорелось, двор и постройки были темны, как будто змий унес весь огонь с собой. Только взволнованный влажный ветер тискал в зябких объятиях напуганные терема, пытаясь охладить и успокоить.

Глава 7

Апракса не спала, а только дремала, когда Роман неслышно поднялся с постели. Хотела обернуться попрощаться, а может, задержать: чего таиться, все уже знают... Но вспомнила: он сам вот-вот забудет свою любовь к ней, и если до тех пор не уйдет, то снова посмотрит со страхом и неприязнью. Пусть уж идет... И снова она не услышала ни звука шагов по половицам, ни скрипа двери.

Но недолго Апраксе пришлось жаловаться на тишину. Прошло лишь несколько мгновений, как она осталась одна, – со двора долетели крики мужских голосов, кто-то яростно призывал кого-то бить, а потом в бревна терема, в крышу, стали впиваться стрелы! Апракса не поняла, что это за глухие удары, пока две стрелы одна за другой не вонзились в ставни – она слышала, как дерево с хрястом прогнулось и треснуло, как что-то задрожало. К тому времени она уже была на ногах; хотела подойти к окну, но с шумом распахнулась дверь из передней горницы, и на Апраксу орлицей налетела Евланья, стрелба в охапку и утащила за порог.

– Куда ты! Подстрелят тебя!

– Это что?

– Не зна... Ай, Матерь Всеблагая!

Даже сквозь щели в ставнях было видно, как полыхнуло во дворе, словно вспыхнул разом весь воздух между землей и небом. Грозный полушип-полусвист, грянувший с высоты и нарастающий, сбил женщин с ног, они повалились друг на друга, крича и закрывая головы руками. Думали, гибель пришла – но все кончилось, не успели они прочесть «Отче наш», – так же внезапно, как и началось.

К тому времени как Евланья подняла Апраксу и повела назад в постель, в тереме уже хлопали двери, стучали шаги и перебивали друг друга крики. Сперва вопили, что пожар, и Евланья было кинулась одевать Апраксу, чтобы тащить наружу. Но посланная на развед Вариса доложила, что огня и дыма в тереме нет, а только челядь бегают и орет, будто свинское стадо, бесами одержимое. Тогда решили запереться и переждать суматоху.

– Поди опять Фофания, жаба старая, придумал каверзу какую нам назло! – бранилась Евланья. – Хоть бы ее бесы взяли наконец! Дайте мне хоть решето, я ее сама в монастырь сведу! А лучше – сразу на погост!

– Да в реку сронить по дороге, шутовку неладную! – бухтела Дукашка.

Апракса к тому времени уже снова лежала в постели, чувствуя слабость во всем теле и легкий жар. Это повторялось каждое утро после ухода Романа, будто жар их ночных ласк задерживался в ее крови, но беспощадно сжигал силы. И пусть бы там хоть все провалилось – сейчас ей было все равно.

– Так это мы что – огненного змия видели? С ней в по... у нее в горнице?

Феофания взглянула на Богдальца, скромно стоявшего у двери: из тех, кто собрался на совет, только они двое были вчера ночью в опочивальне Апраксы и говорили с тем, кого приняли за князя. Землисто-бледное лицо старой княгини было как пергамент. Ей отчетливо помнился Роман, сидящий в постели рядом с испуганной молодой княгиней, его нахмуренные черные брови, сверкающие гневом темные глаза... Еще тогда она отметила, что таких огненных глаз никогда у него не видела, но было не до того. А сейчас понимала дрожь от мысли, как близко обрелся настоящий лютый бес!

«Вольно ж тебе взбесился бегать по терему», – только змий и мог такое сказать, с облегчением подумала Феофания. Не внук родной!

Снова вспомнилось лицо Апраксы – та испугалась их вторжения, вырвавшего ее из объятий любовника. Не знала, что бояться-то надо того, кто у нее под боком...

Или знала?

Феофания взглянула на Романа – и поразились. Все сидели с вытянутыми лицами, и только князь явно испытывал облегчение, от радости даже зарумянился.

– Это был не я... – пробормотал он и перекрестился с благодарностью. – Слава тебе господи, что оградил меня силою Животворящего Честного Креста! Не я... Я не сноброд никакой, не месячный. Я к ней не хожу. А они один другого стоит. Мертвое – к мертвому...

Этих слов Романа никто не понял, но для него самого радость от вести, что не он уже месяц делит ложе с мертвой женой, заслонила даже то, что в тереме его прочно обосновался похотливый бес, крадущий его облик.

– Так это не от тебя она понес... – охнул Всеволод и осекся, даже прикрыл рот рукой.

Это ж какой срам – княгиня от беса носит дитя, а это дитя было сочли наследником стола, будущим князем плечеевским!

– От бесов чад не родится! – Отец Клавдий покачал головой. – Родится головешка или еще какая дрянь, а если и ребенок, то у него в теле ни души, ни костей не будет, он сразу и помрет.

– Тьфу, сохрани Владычица Небесная! – Феофания перекрестилась, все повторили за ней. – Так что же нам с ней теперь делать?

– А она-то знает? – спросил Всеволод.

Все переглянулись. Знает ли Апракса, что делит ложе не с мужем, а с бесом?

– Сдается мне... что нет, – с колебанием ответил Ратимир.

Он был еще немного красен и взбудоражен ночной битвой со змеем; еще помнилась пролитая с неба волна огня. Надвигающаяся стремительно пламенная стена еще стояла перед глазами, все тянуло себя пощупать, дабы убедиться, что жив. Людей во дворе опалило только на миг, но хотя каждый ощутил неистовый жар, каким-то чудом никто не погиб, только волосы, бороды и брови немного обгорели. Отчасти Ратимир был и растерян: чуть не десять луков пускали стрелы в злыдня, а тому хоть бы что. И священная вода не помогла...

– Она жена честная, – поддержал его Иерофей, хоть и не очень уверенно.

Слишком горько было думать, что сам сосватал для Романа пособницу змия.

– Да какая там честная! – вступила Феофания, опомнившись и сообразив, что для нее этот змий – просто подарок. – Она ж из Вронска! Все они, рязанские, от рождения богом прокляты! Не могло от этого семени Каинова произойти ничего доброго! Дьявол-то всем их родом владеет, вот и ею завладел!

Осознавая, что все это может значить, Феофания оживала на глазах, чуть ли не разругивалась, как молодая. Недавний позор обращался в победу – она и толпа челяди своими глазами видел в постели у Апраксы летучего змия-любовника! Роман уверял, что в ту ночь и шагу за порог не делал; его было сочли снобродом, но оказалось-то, что он здоровее других, а вместо него у Апраксы был любострастный бес лукавый! И в эту ночь Роман сидел под замком, а бес навещал Апраксу – на глазах у Фларя пришел, на глазах у Ратимира с отроками ушел! Как уходил – ощутил весь княжий двор и весь Верхний город. Все видели пламенную вспышку, слышали боевой полушип-полусвист. Жители детинца сбежались, думая, княжий двор объят огнем пожара, но пока накидывали на себя что-то и выбегали из домов, весь «пожар» уже улетел. Теперь толки шли по всему городу, но там еще не знали главного: у молодой княгини завелся любовник-бес!

О таких делах ходит немало рассказов. В любой деревне услышишь, как у Матрены или Лукерьи мужа на войне убили, а она тосковала, все унять не могла, к ней и явился бес под

его видом; как Глашка или Палашка водилась с парнем, он ее бросил, а потом стал навещать, да только по ночам и без креста на шее...

Феофания задумалась: был крест на змие? Нет, она видела его обнаженную мускулистую грудь, поросшую темным волосом, и никакого креста.

– Что делать-то будем? – прервал повисшее молчание Иерофей. – Кто ей скажет?

Все переглянулись, и даже на лице бесстрашного Ратимира отразился ужас...

Убедившись, что пожара нет, что суматоха стихла, Евланья привела себя в порядок и ушла на развед. Не было ее довольно долго. Апракса слышала, как стукнула дверь в передней горнице, как Вариса и Дукашка спрашивают, что случилось. Пожара нет? Набега половецкого нет? И вроде не мятеж – хоть половина Плечеева и толчется, кое-как одетая, под воротами, но народ ведет себя мирно. Ходят, смотрят на терема, судачат, будто чего-то ждут.

– Что там? – крикнула Апракса. – Евланья? Ты пришла?

Евланья вошла к ней, сдержанно-возмущенная.

– Тут... сбесились все разом, – с досадой сказала она. – Болтают, будто огненного змия видели над теремом. Будто огнем дыхнул, пламя пустил по двору, десяток отроков с Ратимиром самым чуть в уголки не сжег.

– Но ведь не сжег?

– Целехоньки все, но Лобырь бороду обгорелую показывает. Стреляли его отроки по змию, к нам в ставень попали. Там двое обалдуев в сенях толкутся, просят стрелы забрать. А то-де народ смущают.

Зрелище двух стрел, торчащих из ставня молодой княгини, конечно, тревожило плечевцев.

– Но... что же это было? – Апракса вспомнила огненную вспышку во дворе, какую не мог призвести факел, оглушительный шип и свист.

– Какое-то бесово наваждение было, – вздохнула Евланья. – Вон, и ты горишь. – Она положила руку на горячий лоб Апраксы. – Вариса, сыщи у меня липовый лист да смородиновый, заварим.

– Это Феофания, шутовка старая, вызвала его! – твердила Вариса, роясь в коробе с лечебными зельями. – Не знает уж, как бы нам навредить, вот уже и беса вызвала! Вот бы он ее саму унес на рогах!

Евланья заварила зелье, добавила мяты, и Апракса уснула. Разбудили ее голоса в передней горнице: один был Евланьи, возмущенный, и еще какие-то мужские. Уже рассвело, сквозь треснутый ставень пробивался дневной свет.

Роман? Апракса приподнялась. Муж опять пришел к ней днем? С чем пришел? С тем же враждебным взглядом? Накал спора в передней горнице нарастал, кажется, Евланья отказывалась кого-то к ней пропустить, твердила, что госпожа спит и тревожить ее она не даст...

– Я не сплю! – крикнула Апракса. – Что там такое?

Воцарилась тишина. Вошла Евланья – на лице ее было смятение и возмущение.

– Кто пришел? Князь?

– Н-нет. Это... Иерофей-дядька. И с ним... владыка Василий да поп этот бабкин, Клавдий.

– Владыка Василий? – Апракса в изумлении подалась вперед. – Здесь? Да с ним поп? Чего они ко мне, я еще не помираю!

– Они... – Евланья хотела что-то сказать, но слова застревали в горле. – Вздор такой несут...

– Владыка несет вздор?

– Ну а что еще... владыка или не владыка... Это ли не вздор – что огненный змий к нам сюда летает?

– Пусть войдут. Давай одеваться.

– Не стоило бы тебе вставать...

– Ну не буду же я с владыкой из постели говорить! Не так уж я больна, чтобы он елею меня мазать пришел⁸!

Что бы там ни было, а плечеевский епископ не явится в опочивальню к молодой женщине без достаточной причины. Апракса не могла и вообразить эту причину, разве что Феофания нагала, будто она чуть ли не при смерти. На деле Апракса чувствовала себя не так уж плохо: за время сна жар спал, она приободрилась достаточно, чтобы встать.

Она вышла в переднюю горницу – одетая и прибранная, как подобает княгине. Трое встали ей навстречу: владыка Василий, отец Клавдий и боярин Иерофей, явно смущенный и огорченный.

– Благослови, владыка! – Апракса поклонилась.

Владыка благословил ее, глядя с печалью; Апраксе показалось, что рука его слегка дрожит. Сели: те трое на длинную лавку, Апракса напротив, Евланья встала возле нее, обе служанки забились в угол. Апракса молча ждала, не спрашивая, чем обязана такой честью. По лицам гостей она видела: они смущены, владыка и Иерофей – опечалены, в близко посаженных глазах отца Клавдия видна неприязнь. И еще во взоре всех троих таится страх. Они запрятали его поглубже, стараясь сдержать, и каждый неплохо справился с этой задачей, но когда они сидели все трое в ряд и смотрели на нее, держа в уме одну и ту же мысль, страх этот стал Апраксе вполне очевиден. Она чувствовала себя странно: в теле легкая слабость, в мыслях туман, но зато чутье обострилось необычайно, так, что это ее самую напугало. И оно же подсказывало: молчи, пусть они сами говорят.

– Чадо... – начал наконец владыка, на которого двое спутников бросали выжидательные взгляды. – Дошла до меня весть тревожная, огорчительная... Не хотел верить, да уж больно много видоков, все люди надежные...

– Что за весть тебя огорчила, владыка? – спросила Апракса: дальше молчать было бы невежливо.

– Что диавол, враг рода людского, из вечной неприязни своей ко всему доброму, послал к тебе, дочь моя, отвратного беса... огненного змия летучего.

– Я его и не видела, владыка, – спокойно ответила Апракса. – Я в тот час дремала, только слышала, как во дворе закричали, стреляли, нам в ставень две стрелы вонзились, а потом в щели полыхнуло огнем. Слышали мы шип и свист, да быстро все прекратилось. Ставней не отворяли, ничего толком не видели. Я невредима. А что нездоровится мне, так это... на это... иная причина есть, – закончила она, чувствуя, как немного разгорелись щеки.

Говорить о своей беременности с монахами, да еще с епископом, было бы, конечно, невежливо, и Апракса понадеялась, что эта важная весть уже дошла до владыки раньше.

– И если кто завлек его сюда, – она мельком вспомнила, как служанки винили в призывании беса старую Феофанию, – мне о том ничего неизвестно и цели своей обо мне он не достиг.

Тонкая иголочка тревоги уколола в душу: *призывание* огненного змия совершила сама Апракса. Давно, на Покров, когда кричала в печь... и заморозила ночную любовь мужа. Но то когда было. И *этот* огненный змий, призванный на деле, а не на словах, опаливший двор и бороду Лобыря, к той ее ворожке не может касаться.

Однако тревога, сожаление, страх в глазах владыки и Иерофея, неприязнь и страх в глазах отца Клавдия после ее речи ничуть не уменьшились.

– Да выходит так... ты видела его, – ответил владыка. – И не раз.

⁸ Имеется в виду евангельская традиция мазать больного освященным маслом с молитвой, ради исцеления.

– Кто бы ни сказал тебе это, – Апракса опять подумала о кознях Феофании, хотя это было бы уже слишком подло даже для властной старухи, – он лжет. Как я могла его видеть, когда он был в небе, а я здесь, у себя в опочивальне? И ставни были закрыты.

– Он был у тебя в опочивальне! – с нажимом сказал отец Клавдий, видя, что владыка колеблется и втайне жаждет быть избавленным от этого объяснения. – Всю эту ночь был. И перед тем. Люди у тебя в по... в той горнице его видели!

– Когда это? – Апракса опешила и отчасти забыла о вежливости. Еще и бабкин духовник разума лишился! – Какого-такого змия видели у меня? Я с ума сбрела и мне все это в бреду видится, или...

– Приходили вчера ночью сюда люди – челядь и... госпожа Феофания сама. Видели с тобой пребывающего змия-беса... в облике князя самого, Романа Глебовича.

От нелепости этой речи Апракса захохотала было, как русалка в камышах, но осеклась.

– У меня был здесь князь!

– Князь из своих покоев шагу не делал. И в эту ночь, и в ту, и по все ночи! Ты говоришь, он к тебе ходит от Покрова всякую ночь? Так это змий огненный, бес лукавый, и был!

Апракса только сглотнула и не ответила. Тянуло крикнуть: да что за бред ты несешь, отче, какой еще змий? Но где-то в глубине рассудка части уже сопрягались, образуя целый узор.

От Покрова... князь из покоев шагу не делал... и в то же время был здесь всякую ночь. Но совсем другой князь, она сама постоянно замечала разницу между дневным Романом и ночным, но понимала ее превратно. Думала, это чары, только не знала, когда он настоящий: днем или ночью.

Вспомнился потерянный, испуганный взгляд мужа, когда он пришел к ней вчера утром. Дневной Роман не помнил, чтобы навещал ее по ночам. Это был... кто-то другой. Огненный змий... кого она сама призвала в ночь на Покров.

Все встало на место. Ночной Роман... был не Романом вовсе. А бесом в его облики. Потому и был совсем другим. Появлялся и исчезал невидимо и неслышимо. Никто не видел, чтобы он приходил или уходил. И в эту ночь, когда она велела запереть дверь – и Евланья заперла. Но *этот* Роман приходит вовсе не через дверь, замки и засовы ему не преграда, вот он и обнаружился на обычном месте – в ее постели.

И едва все эти части сошлись воедино, в голове у Апраксы полыхнула вспышка. Горница разом потемнела – на глазах у гостей и служанок молодая княгиня без памяти рухнула на пол.

Вскрикнули женщины, кинулись ее поднимать. Опомившись, Иерофей пришел на помощь, поднял Апраксу на руки. Хоть он и был уже не так силен, как в молодости, княгиня показалась ему совсем невесомой. Перенес в дальнюю горницу, опустил на постель. Евланья положила ей на лоб влажную ветошку. Владыка Василий перекрестил Апраксу и начал:

– Да воскреснет бог, и расточатся врази его, и да бежат от лица его ненавидящие его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих бога и знаменующихся крестным знамением⁹...

⁹ Молитва Честному Кресту.

Глава 8

До самого вечера степенный отрок в очередь с Богдальцем и дьяконом Арефой читал Псалтирь, под присмотром отца Клавдия и Евланы. Они читали бы всю ночь, но этому Апракса решительно воспротивилась: она не покойница! Феофания передала ей совет взять в горницу на ночь своих прислужниц; Лексана прислала сказать, что она сама и ее старшая дочь Стефания готовы ночевать у Апраксы, если та пожелает. Но Апракса от всего отказалась: больше всего ей хотелось остаться наконец одной. Ей невыносимы были люди, знающие ее горе и позор, – а таких теперь если еще не весь Плечеев, то скоро будет весь. Феофания, само собой, запретила болтать, чтобы страшные вести с княжьего двора не выползли в город, да разве удержишь ветер в решете! Одна баба шепнет куме или сестре, та – своей, и полетит весть по городу быстрее огня по сухой траве. Сгорит в этом огне княжеская честь и счастье, и ничем его не потушить.

С приходом ночи все наконец убралось, и Апракса, лежа в постели, испытала облегчение, что наконец-то одна. Больше никто не смотрит на нее со страхом и презрением – как люди Феофании, с ужасом и жалостью – как свои служанки и добрый отважный отец Арефа. Ничей ужас и жалость не могли быть сильнее ее собственных. Евланыя сводила ее в баню, челядинки перестелили постель заново; Апракса лежала на чистой простыне, пахнувшей травами, не той, которой касался своим огненным телом бес, но и свежее прохладное полотно жгло ее. Кроме лампадки, в горнице горели свечи в подвечнике на стене, на ларях. Она не хотела оставаться в темноте, откуда приходил *он*... Тот, который так радовал ее своим появлением, но на деле нес не радость любви и не исполнение долга, возложенного богом, а бесовский соблазн и погибель души.

В душе зияла громадная черная дыра – кроме этой дыры, там ничего и не осталось. Все сгорело в пожаре страшной вести. Она уезжала из Вронска, надеясь, что обретет в браке с Романом любовь и одолеет старую вражду; она жила в Плечееве, веря, что сумела привлечь его любовь. И вот сладкие мороки рассеялись. Роман не полюбил ее, даже не стал ей настоящим мужем; с самого Покрова она любила беса, отдавалась ему на этом самом ложе и еще была счастлива. Да и как было не обмануться? Бес обликом был точь-в-точь Роман, если не еще красивее; он был ласков, нежен, внимателен, обращался с ней так, будто она для него дороже всего на свете. И все это – обман, пустое место, гибель. Но уже не вернуться к той чистой и отважной девушке, что покидала Вронск, и даже к той княгине, что напрасно ждала мужа. Теперь она, Апракса, – добыча беса, вызванного ею же самой. Своими руками она бросила свою душу в адскую пасть.

Напрасно, значит, учил ее отец Ивллой покоряться воле божьей. Любовь долготерпит... Ей казалось, она терпела достаточно, но, видать, это «долго» означало не две-три недели. Истинная покорность воле божьей дала бы сил терпеть всю жизнь, не пытаясь поправить дело своими руками.

И вот она одна. Одна на всем белом свете. Она еще сможет исповедаться, признаться, что сама навлекла на себя беду, владыка назначит ей покаяние и отпустит грехи. Она еще не погибла окончательно. Но любовь Романа от нее теперь не ближе прежнего, а дальше, надежды нет совсем. Никогда князь не полюбит жену, что изменила ему с огненным бесом. Родители, сестры – все они жили будто за тридевять земель, тысячу лет назад, в сказке. Любовь беса воздвигла такую преграду между Апраксой и белым светом, что быть ей теперь одной навсегда.

Апракса закрыла глаза, из-под век покатилась на висок одинокая горячая слеза.

Чья-то теплая рука нежно смахнула эту слезу, теплые губы коснулись нежным поцелуем ее щеки возле рта, к коже знакомо прильнула щекочущая борода.

– Отчего моя лебедь белая грустит? – послышался тихий, низкий, ласковый голос. – Я здесь, не печалься, разве ж есть такая беда, чтобы мы вдвоем ее не одолели?

В голосе таилась нежная усмешка, будто он обращался к дитяте, чья худшая беда – пряник в лужу уронить. Но дитя то бесконечно любимо, и возможность легко избыть всякую его беду – счастье.

Апракса застыла, но не сразу открыла глаза. Этого не может быть... Как и прочие, она была уверена, что змий, обнаруженный и разоблаченный, больше к ней не придет. Она не знала змиев – то, что смутило бы человека, для него не значило ничего.

Ей мерещится этот голос, этот поцелуй? Мерещится от тоски, от невыносимой черной ямы одиночества – на дно этой ямы к ней спустился тот единственный, кому здесь не страшно.

Медленно Апракса подняла ресницы. Над ней склонялось знакомое прекрасное лицо – черные брови с изломом, прямой нос, темно-русые пряди на высоком лбу, блестящие темные глаза с отраженной искрой от огня свечи.

Встретив ее взгляд, гость улыбнулся. Но тут же лицо Апраксы изменилось – углы рта опустились, будто она сейчас заплачет, она рванулась в сторону и отшатнулась на другой конец ложа.

– Т-ты... ты здесь... – выдавила она, едва сдерживая рыдания от бессильного горя. – Опять...

– Конечно, я здесь, радость моя! – беззаботно улыбнулся тот, кто выглядел точь-в-точь как Роман, но не был Романом. – Где же мне еще быть, как не с тобой!

Он приподнялся и сел в постели. Он был обнажен, и только теперь, при свечах, Апракса заметила, что никакой его одежды рядом нет. Раньше она не задумывалась, где его одежда.

– Я знаю... теперь я знаю... – Апракса отчаянно сглатывала слезный ком, чтобы высказаться. – Ты – не Роман. Ты... ты бес! Огненный змий! Вот ты кто!

Говоря это, Апракса вдруг испугалась: зря она это, лучше бы молчать. Узнав, что разоблачен, не вздумает ли он разорвать ее на куски, спалить огнем? Но поздно было бояться, а правду невозможно сдержать.

Сначала лицо гостя застыло, потом по нему расплылась веселая улыбка, так что зубы заблестели.

– Аааа... Догадалассссс... – протянула он с легким сожалением, и теперь Апракса ясно слышала в его голосе призыв того шипа змеиного, что звучал с неба вчера ночью.

Всякая лукавая нечисть, будучи разоблачена, произносит эти слова – а потом или кидается на того, кто их произнес, или исчезает. Апракса невольно раскрыла глаза, задыхнулась, ожидая или смерти – или того, что перед ней сделается пустое место.

Ничего не произошло. Бес все так же полулежал, как у себя дома, и смотрел на нее с мягкой влекущей улыбкой на ярких губах. И эта невозмутимость испугала Апраксу чуть ли не больше, чем прямое признание. Это бес – он ничуть себя не стыдится, не пытается провалиться прямо в ад. Он бес – и он остается здесь, возле нее. В его взгляде – лукавый вызов, на губах – зазывная улыбка. Да разве настоящий Роман, в ком она усматривала сходство со святым Борисом на иконе, мог бы так улыбаться?

Как она могла принимать это любово-страстное существо за Романа? Не только темнота тому виной – она была слепа, не видела очевидного. Хоть бес и принимает облик Романа, в нем совсем иной дух.

– Убирайся! – Слезы брызнули из глаз Апраксы; боль обманного счастья пронзила грудь, как острая стрела. – Ты обманул меня, да теперь я знаю... Уходи!

– В чем же я тебя обманул? – так же ласково, без смущения отозвался бес. – Я люблю тебя больше солнца красного. Разве худо тебе со мной было? Настоящий-то твой муженек – трухлявый пенек, ему глаза отвели, он и забоялся, к бабке под подол прятаться убежал. Ты

тосковала, маялась, а я тебя от тоски избавил, дал радость великую. Разве худо? Что бы нам и дальше не жить в любви? Не гони меня, и ни у какой бабы на свете не будет мужа лучше меня.

– Нет! – Апракса зажмурилась, чтобы его не видеть, чтобы не ранила сердце его обманная красота. – Не надо мне такой любви бесовской! Убирайся.

Мягким, истинно змеиным движением бес приподнялся и потянулся к ней.

– Нет! – Апракса выхватила из-под сорочки мешочек потертого шелка и выставила перед собой. – Здесь мощи афонские, мне владыка дал! Ты ко мне не прикоснешься!

Змий снова улыбнулся, показывая зубы, и в этой улыбке уже не было ничего человеческого.

Вдруг в дверь передней горницы застучали, понеслись крики:

– Отворите! Княгиня! Отомкните дверь, дуры-бабы! Враг здесь!

Апракса невольно глянула туда.

– Сторожили – видели, как я пришел, – обронил змий, и она снова посмотрела на него. – Этих-то я не боюсь. Позволь мне остаться – я их заставлю дать нам покой. Убегут так, что поршни растеряют.

– Нет. Уходи. Убирайся, – твердила Апракса, изо всех сил отталкивая мысль, что может согласиться.

– Ээээхххх... – длительно вздохнул змий, и лица Апраксы коснулась волна жара.

Не поднимаясь с постели, он вдруг налился огненным светом, и Апракса вскрикнула. Его глаза ярко вспыхнули, как два горящих угля, потом все его тело превратилось в облако искр. Облако взмыло над постелью, собралось в шар, потом вытянулось. По-змеиному извиваясь, скользнуло по воздуху к печи, втянулось в устье... Последние искры упали на пол и погасли.

Завороженно наблюдая за этим, Апракса не заметила, как из передней горницы ворвалась целая рать: отец Арефа с кропильницей, отец Клавдий с иконой, отец Синдимий с Евангелием, Ратимир и Всеволод – с саблями. Оглядевшись, они заметили Апраксу: в сорочке она сидела на разворошенной постели и держала перед собой ладанку.

– Слава Честному Кресту! – выдохнул отец Арефа. – Эти мощи афонские – истинная сила, отогнали беса!

Апракса уронила руку с ладанкой. Бес сказал «позволь мне остаться». Она не позволила. Прав был владыка, когда сказал днем, что незачем втыкать чертополох во все щели терема: бес проникает не в терем, а в душу. И если она сумеет удержать душу закрытой, бес больше не придет.

Настал новый день, но тревога не покидала княжий двор. Афонская ладанка заставила летучего змия убраться восвояси, но ни целодневное чтение Псалтири, ни свяченная вода по всему терему не помешали ему проникнуть в горницу, где он так вольготно целый месяц проводил ночи. К Феофании собрались боярыни, толковали о различных средствах изгнать обольстительного гостя. Среди них была и Лексана с двумя дочерьми и сразу тремя внучками; «целое войско бабье привела», ворчал отец Клавдий. Внучки, вышедшие замуж в последние год-другой, выглядели печальнее всех: пойдя все как должно, они стали бы доверенными подругами новой княгини, после ухода Феофании в монастырь окончательно вытеснив в тень старух вроде Вивей. Но сама молодая княгиня Романова рухнула, не успев как следует подняться, и едва ли стоило ждать, что она станет когда-нибудь госпожой земли Плечеевской.

Лексана с мрачным видом слушала, как Вивея с Пелагеей толкуют о полезных свойствах трав троян и одолень, о загадочной Арахиль-траве, которая уж точно всякую нечисть изгоняет, жаль только, никто не ведает, где она растет и как выглядит.

– Еще я слыхала, надо на змия, как прилетит, крест накинуть или недоуздок, – вставила боярыня Графида. – От креста он рассется, а коли надеть недоуздок, то будет в полной твоей власти, делай с ним что хошь.

– Что хошь? Верхом, что ли, на нем поехать? – фыркнула Стефания.

Более молодые боярыни засмеялись, прикрывая рты. Косились на Лексану: видно было, что она закипает и вот-вот сорвется.

– Бредни бабьи это все! – Лексана оправдала их ожидания. – Травы какие-то, наузы! Корень беды корчевать надо! Вы хоть спросили бы: с чего змий-то к Апраксе повадился? Он чай не комар, просто так в оконце не залетит. Если баба по мужу тоскует, а он умер или уехал куда надолго, может, на войну ушел, – вот тогда змий к ней дорожку находит. Когда баба одна ночами ворочается, страсть и тоска ее сжигают, а излить не на кого – вот тогда змий прилетает греться.

– Да уж, матушка, про страсти ты лучше всех ведаешь! – попыталась осадить ее Феофания, предчувствуя что-то неприятное. – Когда блудная страсть покою не дает, молиться надо и пост держать, правда же, отче?

– Молиться? Пост держать? – Лексана не дала отцу Клавдию ответить. – Кому – молодой после венца? Она зачем замуж шла – молиться ночами? Для того не под венец, а в монастырь идут! А бабе молодой положено с мужем жить и детей плодить! Почему князь сам с ней не жил? Делал бы как должно – не повадился бы змий на его место, было бы то место занято! Да и теперь еще не поздно. К леш... не нужны все эти травки и шепотки, если князь сам с женой жить будет.

– Ты, матушка, за собой следи, о своих грехах думай! – оборвала ее Феофания так резко, что явно желала положить конец этой речи. – А князя не учи!

Лексана стиснула зубы, но по лицу ее было видно, что она думает о князе. Апракса нравилась ей, и она считала молодую княгиню жертвой чужой несправедливости. Зачем же Роман женился, если собирался жить по-монашески? Святой он, что ли? И чья теперь вина, что в дому такое стыдобище?

Говорить об этом на людях Феофания не желала, но про себя не могла не признать: Лексана-то, шилохвостка старая, права. Еще день Феофания выжидала. Ночь прошла... ну, спокойно, дозор во дворе не приметил огненного змия над кровлей, но кто поручится, что он не являлся? Пускать к себе в горницу людей Апракса отказалась: мол, своих служанок и афонской ладанки ей довольно. Но что если змий тайком воротится через день, через два? Даст утихнуть шуму, а потом опять скользнет в нагретое гнездо?

Через день Феофания позвала к себе старшего внука. Роман выглядел не так плохо, как можно было ожидать: у него еще не прошла радость от того, что он не сноброд и не отец того будущего дитяти, которое едва ли могло родиться живым.

– Романушка... – сладким голосом начала Феофания; сама про себя отметила, как непривычно ей не повелевать, а подольщаться, пусть и к родному внуку. – Толкуют люди – змеи-то огненные тогда к бабам мостятся, когда у тех мужья в могиле или в отлучке. А ты здесь, не уехал никуда. Разговоры по городу пойдут. Может, тебе бы... ну, бывать у нее, в самом-то деле? Пообвыкнешь...

– Нет, матушка! – Роман без колебаний мотнул головой. – Какое там бывать – она же мертвая.

– Кто? – Феофания подпрыгнула на месте.

Неужто невестка успела помереть, а ей не сказали?

– Ну, она... Ап... Апракса.

– Да это когда же... – Феофания спала с лица и приложила руку к сердцу. – Нынче? Ночью? А мне не ска...

– Не знаю когда. Она уже приехала... Она с самого начала, со свадьбы мертвой была.

– Чтооо? – Феофания перекрестилась для поддержания духа, но ее посетила мысль, что князь, такой ровный с виду, незаметно для близких съехал с ума. – Живая была еще давеча...

– Это, матушка, видимость одна, – спокойно ответил Роман. С тех пор как выяснилась связь Апраксы с огненным змием, для Романа стало ясно, что связь эту вызвала сама ее природа, и он перестал бояться об этом говорить. – Она живой только притворялась. А я... Как мы после венца в первую же ночь вдвоем в той горнице остались...

Тем же спокойным и ровным голосом он поведал бабке, как впервые заметил в лежащей жене сходство с мертвым телом, как рассмотрел, что она выглядит как труп, как ощущал запах разложения, с каждой ночью все сильнее. Как отвратительно жена выглядела в последнюю ночь, которую он провел на лавке в ее горнице. Как испугался он, вообразив, будто чары заставляют его ложиться с ней, а наутро обо всем забывать. Как тошнотворна для него мысль еще хоть раз в те горницы зайти.

– Это чары, матушка. Днем она вроде как живая, ходит, разговаривает, ни у кого и мысли нет. А ночью в истинном своем облике предстает. Мертвеница она, и мне с ней в одной постели не лежать. Тот змий – для нее самый подходящий муж и есть. Мертвое – к мертвому. А я уж лучше в иноки постригусь, но с ней рядом не сяду. Знал бы заранее – еще во Вронске постригся бы. И теперь-то не знаю, смогу ли душу спасти, когда с мертвой нежитью обвенчан.

Феофания сидела, глядя перед собой, нижняя губа ее мелко дрожала. Хотела перекреститься – рука затряслась так сильно, что упала обратно на колени.

– Ст... Ступай, – еле выдохнула она, не глядя на Романа.

– Тебе худо, матушка? – Видя, как она помертвела, Роман шагнул к ней. – Позвать к тебе...

– Н-никого не надобно. Ступай. Я одна... одна... посижу. Устала я...

Роман послушно вышел. От потрясения Феофания так изнемогла, что сползла с лавки на пол и привалилась к ней головой.

Услышанное напугало ее так же сильно, как если бы в ее доме и впрямь расхаживала живая мертвеница. Но тут и в ее голове разрозненные части сошлись в целый узор. Она хотела еще на свадьбе разрушить лад между будущими супругами, сделать так, чтобы Роман проникся неприязнью и недоверием к вронской жене.

Не Апракса была мертвой, а у Романа помертвели глаза. Он месяцами жил, окутанный жутким мороком, и теперь этот морок прирос к его коже, проник в душу, сделал его другим существом – не очень-то живым. Его, Романа, нужно было спасать. Но даже подумать о спасительных мерах Феофания пока не могла, раздавленная пониманием, что этот ужас она сотворила своими руками. Да разве она хотела своему дому зла?

До самой ночи Феофания все молилась, так что Лиска с Аниской под руки уволокли ее в постель и раздели, как расслабленную жилами. Но и уложенная, Феофания не велела гасить свечи и лежала без сна, не сводя глаз с образов в богатых позолоченных окладах. Она покается в своем грехе, отец Клавдий придумает, как ей примириться с богом. Но необходимо постараться исправить причиненное зло.

Утром Феофания призвала Богдальца, а служанкам велела выйти.

– Вот что, отроче, – слабым голосом сказала она. Выглядела старая княгиня бледной и совсем больной; морщины обвисли, придавая ей самой мертвенный вид. – Иди сейчас на конюшню, возьми коня и поезжай в то село... в Милово. Найди там ту колдовку... Агнею, или как там ее. Привези ее сюда.

– Ох, госпожа! – Богдалец переменился в лице. – Воля твоя, но сюда ее...

– Оставь! – Феофания махнула рукой. – Когда такие дела в дому творятся, кого ж звать, как не колдовок? Скажи, дам ей награду хорошую, только пусть она... назад отколдует. Она поймет, о чем речь.

Богдалец поклонился и тихо вышел. Феофания перевела дух. Теперь никто не удивится, даже и прознав, что старая княгиня вызвала волхидку. Сама она не могла пройти в горницы к Апраксе и вынуть поклад, зашитый в подушку: Апракса не выходила оттуда, и кто-то из ее женщин все время сидел там с ней. Но пусть колдовка поищет. И когда она «найдет» поклад в подушке, его поймут как причину, открывшую дорогу змею. Люди спросят, конечно, а кто его туда поместил, но об этом Феофания собиралась подумать потом. Если же его убрать, Апракса перестанет казаться Роману мертвой, и, даст бог, постепенно все наладится.

Но надежды ее рухнули, не прожив и одного дня. Богдалец воротился с огорчительным известием: и Агнея, и все ее семейство исчезли из Милова, их двор стоит покинутым, и где их искать, никто в селе не смог ему сказать.

Часть вторая. Утаенный меч

Глава 1

На Федота Ледостава¹⁰ Ермолай с сыном поехали в лес за сеном. Летом Ермолай выкашивал полянки и лужки вокруг заимки, потом Елеса прибегала сено ворошить, потом все четверо метали стог на подходящем месте. Зимой эти разбросанные по лужкам стога постепенно вывозили в село. Время для поездки выдалось удобное: за последние несколько дней снег выбелил поля, а влажные и топкие места замерзли.

Для помощи Ермолай взял с собой Ильяна. После Покрова тот жил, свободный от хождения с сельским стадом, и каждую ночь исчезал неведь куда. Утром Елесе случалось примечать, как из устья печи вытекает на пол змейка, состоящая из пылающих искр, потом сбивает в плотный ком, потом принимает облик человеческого тела... и на полу обнаруживается Ильян, усталый и довольный. Забравшись на лавку или печь, он спал до обеда, и родители, для вида перед соседями ворча, его не тревожили. Зато просыпался Ильян веселый и бодрый, румяный, с блестящими глазами и шальной улыбкой. После Покрова начались посиделки, и что ни день в сумерках Ильян оправлялся к бабке Арине, где собиралась вся молодежь. Весь вечер он там веселил прядущих девок песнями и байками, но перед полуночью уходил – мол, дома ждут, – и исчезал.

Многие замечали, что в эту зиму Ильяшка не так ленив, как бывало, но никто не мог знать причины. Знали ее домашние, и часто Елеса замечала, как хмурится отец, глядя на сына. С Ильяном и раньше случались подобные загулы, но обычно они не тянулись так долго. Зная, где именно он бывает, над какой крышей рассыпается облаком искр, чтобы втянуться в трубу, вся семья жила в тревоге. Ладно бы какая вдова молодая из Угодова или Пригожевки, а то ведь сама княгиня! Но поделать было ничего нельзя: сам дух Ильяна вел его на зов неутоленной страсти, и отговаривать его было так же бесполезно, как уговаривать воду не течь под уклон. Пока горящая по любви душа будет его призывать, он будет летать на зов.

До сел вокруг Плечеева пока никаких дурных слухов о княжеской семье не доходило, но чутье подсказывало и Агнее, и Елесе, что кутерьмой на Романовой свадьбе это дело не закончилось, и худшее, статочно, еще впереди. Один человек точно знал, что создали ту кутерьму миловские чародеи, – старая Феофания. Полагаться на ее доброжелательство было нельзя, и Агнея аж похудела от тревоги, как еще все это на них скажется, когда причиненный вред выйдет наружу. Каждое утро и вечер она молилась, и Елесе приказывала повторять:

– Матушка Соломонида Силантьевна, батюшка Ильян Данилович, бабушка Маврея Власьевна, дедушка Елисей Калимонович, дедушка Власий Мерьяныч, помяните нас перед богом в ваших святых молитвах, оградите от всякого зла...

И вот – то ли молитвы помогли, то ли что, но однажды Елеса, сидевшая на тех же молодежных супрядках у бабки Арины, заметила, что полночь миновала, а брат никуда не исчез. Он оставался до самого конца, далеко за полночь; когда все расходились, пошел провожать Марулю, но вернулся сразу вслед за сестрой. Родители уже спали, а Елеса ни о чем спрашивать не стала. Но отметила: что-то случилось. Или в княжеском доме заметили посещения змия и приняли сильные меры, или... княгини молодой больше нет в живых? Если змия летучего не отвадить вовремя, он высушит жертву, выпьет досмерти. Жутко было думать, что это слу-

¹⁰ 20 ноября.

чилося с той девушкой, которую Елеса видела на высоком крыльце боярского терема, укрытую белым покровом. Если змий выпил ее до дна, сейчас она лежит в гробу, укутанная белым саваном, статочно, из того же полотна. Да нет, успокаивала себя Елеса, если бы вдруг княгиня молодая умерла, весть об этом дошла бы до Милова, везде бы в церквях и монастырях служили бы за упокой. Нет, наверное, там узнали и сумели затворить змею дорогу.

В эту ночь Ильян выспался, и поднять его утром удалось довольно легко. К позднему рассвету предзимья семья уже позавтракала, и Ермолай запряг лошадь. Ильян вышел – в наброшенном на рубаху овчинном кожухе, без шапки: он никогда не мерз. Повалился в сани, напавая себе под нос:

У ворот было, у воротечек,
У ворот было у кленовых,
У вита кольца серебряна:
Тут стучит-бренчит удалой молодец,
Он стучит бренчит со боярами,
Со боярами со княжиими...

– Отпирай-как ты, тесть, воротечки! – вдруг подхватил громкий грубый голос, и рядом с санями перевернулся в воздухе белый заяц, неведомо откуда взявшийся.

Лошадь от испуга прынула в сторону, Ермолай едва ее удержал и погрозил зайцу кнутом: – Балуй у меня!

Провожавшие мужчин Агнея и Елеса вздрогнули, потом засмеялись.

– Ишь, ты прощелыга! – ахнула Агнея. – Тоже все женихается!

Ильян захохотал, и они запели с зайцем вместе:

Ты встречай-ка, теща, ласково,
Ты, своячина, встречай приветливо!
По двору идет – поклоняется,
На крыльцо идет – усмехается,
В терем идет – похваляется:
Я пришел к вам не молебны петь,
Я пришел к вам не воды святить,
Я приехал к вам по сужено,
Я пришел-то к вам по ряжено,
По душу по красну девицу...

«По душу красной девицы!» – услышала Елеса, и эти слова неприятно ее кольнули. Ильяна нельзя было назвать злым существом. В человеческом облике он был добродушен – сказалось то, что при рождении его искупали в молоке и растили, как человеческое дитя, – а в змиинном и вовсе делался именно тем, по кому женщина тосковала. Он становился истинным возлюбленным, тем, о ком женщина мечтала, и превосходил мечты, но своей любовью сжигал душу и тело. Не со зла – как не со зла огонь уничтожает топливо, на котором горит, а потому, что иначе не может существовать.

Пение двух голосов удалялось по улице, белый заяц скакал за санями, к счастью, невидимый никому, кроме Елесы, и еще кувыркался в воздухе. Если кто в селе и слышал пение двух голосов, то, дай бог, подумает, что это Ермолай поет с сыном.

До развилки на Ненаглядново докатили быстро – после ночного снегопада здесь никто не ездил, белая пушистая скатерть лежала впереди нетронутой. Пятнали ее только птичьи следы,

несколько раз пересекали цепочки лисьих, а однажды – волчьих. К волчьему следу Ермолай пригляделся, прищурившись, покачал головой: лапа незнакомая.

– Пришел серый гость из чужих краев, с тобой силой померяться, – хмыкнул Ильян.

– Тогда уж гостя, – возразил Ермолай. – Волчица это. Старуха уже.

– Видать, молодая ее из стаи выгнала. Такая доля их, старушечья.

Они проехали дальше, Ильян оглянулся: заяц отстал и настороженно обнюхивал волчий след. Ильян тоже мог видеть Балабола и очень потешался над его ужимками.

– Эй, Балабошка! – Ильян свистнул. – Догоняй!

Тот большими прыжками поспешил на зов, будто пес.

После развилки свернули на более узкую тропу и тут поехали медленно, огибая старые ели. Еще через пару верст открылась широкая поляна, посередине увенчанная стогом, – одним из тех, что сам Ермолай и сметал летом при помощи всего семейства. Возле стога Ермолай остановил лошадь и вынул из саней двое вил – древесных стволиков с развилкой трех обрезанных ветвей на конце. Одни он вручил сыну, другие оставил себе и направился к стогу. Морщась, всем видом изображая несчастье от столь тяжелой работы, Ильян неохотно поплелся за ним. Его юношеское сложение не выдавало большой силы, хотя на деле-то он был силен, как истинный бес.

Вдвоем они принялись вилами перекаладывать сено из стога на сани. Ильян подавал, Ермолай принимал и утапывал, чтобы поместилось больше. За шумом собственной работы, щурясь, чтобы не набрать сору в глаза, они не заметили, как от края леса к ним скользнула неслышная тень...

От края леса до стога было шагов пятнадцать, и обычного зверя, конечно, среди бела дня на белом снегу заметили бы и люди, и тем более лошадь. Но крупная волчица почти белой масти была не простой. Она выпрыгнула прямо из воздуха, нацелившись впиться Ильяну в шею сзади. В последний краткий миг чутье беса дало знать о беде – Ильян попытался обернуться, но не успел. Однако он сумел немного сместиться, и челюсти волчицы защелкнулись не на затылке его, а на плече, впившись в толстый овчинный кожух, который он перед работой надел в рукава. От мощного толчка Ильян опрокинулся на спину, а волчица тут же вспрыгнула лапами ему на грудь и хотела впиться в горло.

Лошадь в испуге дернулась в сторону; сани качнулись и едва не перевернулись. Ермолай чуть не выпал, но сумел удержаться на ногах и выпрыгнул в другую сторону. Лошадь бегом поволокла сани куда-то к лесу, а Ермолай вскинул перед собой вилы и мощным ударом в бок отбросил волчицу от Ильяна. Та прокатилась по снегу, но тут же вскочила, бросилась на Ермолая и вцепилась ему в ногу под коленом. С криком он упал на спину, волчица навалилась на него, как недавно на Ильяна, но Ермолай, не выпустив вилы, сумел всунуть древко в раскрытую над собой пасть.

Ильян тем временем вскочил; он остался невредим, а ушибов и не заметил. Бросившись к отцу на помощь, он споткнулся обо что-то очень твердое, упал на колени и обнаружил перед своим носом присыпанный сеном топор – тот лежал в санях и выпал, когда лошадь их качнула. Находка была очень своевременная; схватив топор, Ильян прыгнул вперед и рубанул волчицу по хребту, но она выпустила из зубов древко вил и отпрыгнула, благодаря чему осталась невредимой. Ильян, не сумев сразу распрямиться после удара, на какой-то миг оказался беспомощен – и волчица вцепилась зубами ему в правую кисть.

Но тут же была сбита с ног – на нее прыжком ринулся крупный серый волк. В человеческом облике и с деревянными вилами вместо оружия Ермолаю было трудно противостоять зверю, требовались волчьи когти и зубы. Два зверя сцепились, свились в серо-белый яростный клубок и стали кататься близ полуразобранного стога. Они рвали друг друга, зная, что схватка эта не на жизнь, а на смерть, на истоптанный снег летели крупные брызги крови и клочки шерсти. Яростный вой и рык разносился по лесу, отражаясь от стволов.

На какое-то мгновение Ильян замер, левой рукой сжимая раненую правую и застывшим взором глядя на беспощадную звериную схватку. Потом все его тело замерцало, застывшие глаза прорезал длинный узкий зрачок сверху вниз, какого не бывает у людей. Миг – облако пламенных искр взмыло над землей, в воздухе стало вытягиваться, принимая облик огромного змия в пламенеющей багряной чешуе.

В драке двух зверей волчица изначально оказалась сильнее: у серого волка была повреждена задняя лапа и он, хоть и одолевал боль, действовал не очень ловко и терял силы. Волчица подмяла его, навалилась сверху и вцепилась в горло, пытаясь задушить... как вдруг сверху на нее пролился нестерпимый жар. Затрещала горящая шерсть. Слепленная и оглушенная, волчица с визгом прыгнула в сторону, покатила по снегу, пытаясь охладить боль ожогов. Но здесь ее настигла новая волна жара; поток пламени лился и не прекращался, преследовал ее в попытках отползти. Вот пламя охватило ее всю; мигом сгорела шерсть, а потом и плоть. Визг прекратился, и волчица застыла, обратившись в обгорелый труп.

Огненный змий над поляной медленно рассеялся искрами, и так же медленно облако искр стало оседать. Оно почти коснулось земли – и на земле остался распростертый парень с растрепанными светло-русыми волосами. Он лежал на спине, раскинув руки и ноги, его глаза были закрыты, грудь вздымалась, дыхание вырывалось изо рта с хрипом.

Такой же хрип послышался со стороны. Ермолай тоже вернулся в человеческий облик, но выглядел жутко. Вся его одежда была изодрана в клочья и полита кровью, своей и чужой. Сильно кровоточили раны на ноге, на плече, на боку, на покрасневшем лице с зажмуренными глазами: часть пламени с небес досталась и ему. Он пытался приподняться, но снова падал с невольным криком.

– Ильяшка... – едва сумел выговорить он; от боли у него занималось дыхание. – Ильяшка, бес, помогай...

Ильян повернул к нему голову, открыл глаза. Тонкий зрачок сверху вниз собрался в точку, как у людей. Во взгляде засветился смысл. Ильян сел, потряс головой, ощупал себя. У него тоже текла кровь из раны на правом запястье, но все же он мог встать.

– Батя... – прохрипел он.

Опираясь на левую руку, Ильян поднялся, сделал два шага к отцу. Его водило и шатало, он с трудом держался на ногах – много силы растратил на пламя. Рядом тлело и дымило сено в стогу, но этот запах перебивался другим, более сильным – вонью паленой шерсти и плоти. Следы копыт, полозьев и рассыпанного сена уводили в лес – за шумом схватки никто не заметил, как насмерть перепуганная лошадь умчалась с поляны прочь.

Ильян обернулся на запах. В нескольких шагах на истоптанной земле лежало обгорелое тело – человеческое. Сплошь почерневшее, с краснеющей плотью в разрывах обугленного верхнего слоя, оно было так изуродовано, что даже не понять, мужчина это или женщина, не то что разглядеть лицо.

– Я так и знал... – прохрипел Ермолай, – что обертун. Ну, давай, Ильяшка, рубаху порви, перевяжи, а не то кровью истеку...

Беда знахарей – на себе самом раны заговаривать нельзя.

Глава 2

Со двора донесся вой – низкий и тоскливый. Агнея и Елеса вздрогнули и переглянулись, невольно вытаращив глаза: их пес не мог так выть. Бросив стряпню, обе выбежали на крыльцо, не одевшись. И увидели Балабола: огромный белый заяц сидел по-собачьи и выл, подняв морду к хмурому небу. Такой тоскливый и пронзительный вой не зря называется «как по покойнику» – в нем звучит ужас и бессилие перед смертью, схватившей жертву.

– Замолкни! – в испуге закричала Елеса: так и виделось, как на этот вой сбегается все Милово. – Что ты вопишь, что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.